

Л. ФАНДЕЕВА

***В
И
К
Т
О
Р
И
Я***

16+

Лилия Фандеева

Виктория

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Фандеева Л.

Виктория / Л. Фандеева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-07750-8

Встречи не бывают случайными. Какими бы ни были причины разрыва, настоящая любовь все равно продолжает жить в твоём сердце. Она остается с тобой навсегда. Сложно объяснить себе, своему сердцу и мозгу, что не можешь быть с тем, кого любишь.

ISBN 978-5-532-07750-8

© Фандеева Л., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

«Не отрекаются любя,
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,
а ты придешь совсем внезапно...»
Вероника Тушнова, 1944г.

Пролог

Сентябрь две тысячи одиннадцатого выдался теплым и сухим. Бывшие сокурсницы, семьями, хотели организовать выезд на лоно природы, но в последний момент передумали. Компания собралась небольшая, и решили посидеть в ресторане. Вечер удался. Они все вместе не собирались пять лет, и поговорить было о чем. Виктория, которой исполнилось тридцать лет, ушла одной из первых, не ища для себя приключений на пятую точку. Она давно заметила некую закономерность: чем больше мужья и друзья подруг употребляют спиртного, тем, с каждой выпитой рюмкой, интерес к ней начинает расти в арифметической прогрессии, а у подруг возникает чувство ревности. Пила она только шампанское, да и то немного, и садясь за руль своего автомобиля, не боялась теста на алкоголь. До ее дома, точнее квартиры, оставалось минут пять езды, когда стоя на светофоре, она увидела, как из бара охрана культурно выставила мужчину. Он не был настолько пьян, чтобы буяннить, и прилично держался на ногах. Теперь он шел, слегка покачиваясь, к проезжей части «голосовать». Виктория и через девять лет узнала Данилова, притормозила прямо перед ним и лишней раз удостоверилась. Ей хватило пары минут, чтобы в сумерках, при свете уличных фонарей, убедиться в том, что не ошиблась. Она неспеша вышла из машины, сама себе улыбнулась, облокотившись на ее крышу.

– Что, дружок, тебе тоже сегодня одиноко? – наигранным пьяным голосом спросила она. – Куда собрался? Не хочешь даме составить компанию?

– Ты, вообще кто? – вопросом на вопрос ответил мужчина. – Мне сегодня на знакомства не везет, – сказал он, облакачиваясь на крышу ее машины с другой стороны.

– Служба спасения от одиночества тебе подойдет? Если ты ждешь помощи, скажи, не стесняйся. Правда, я не все смогу сделать, но попытаюсь. Ты кого больше хочешь увидеть патруль или такси? Ни те, ни другие не повезут тебя бесплатно. Деньги есть?

– Отвези меня домой, за город, я с тобой там и рассчитаюсь, – с надеждой попросил он. – У меня дом в Снегирах.

– Домой, да еще за город? Нет! Ты думаешь, я, совсем не зная тебя, рискну? Я, конечно, не из трусливого десятка, но мне эта идея не нравится. У меня к тебе есть встречное предложение: я могу тебя отвезти, совершенно ненадолго, к себе домой, а там, как себя покажешь. Может, и денег на такси заработаешь.

– Ты меня что, покупаешь, как проститутку? Тогда я стою гораздо дороже, чем проезд на такси, хотя могу и разочаровать.

– Ты цену себе не набивай. Уснешь по дороге, я оставлю тебя на стоянке и позвоню в милицию. Будешь хорошим парнем, так и быть, предложу коньяк. Выбирай! – Она замолчала на пару минут, ожидая реакции Данилова. – Ты долго будешь думать? Или садись в машину, или найдем потрезвее, – говорила Виктория, явно уже заигравшись. Она хотела в данный момент только одного – его. Но сделать это так, чтобы он не догадался, ей становилось все сложнее. – У меня одно условие: ты по натуре не романтик? Хочу вспомнить молодость. Помнишь, как говорили: «Темнота, друг молодежи»? Хочу вернуться на десять лет назад. Ты не будешь против такого предложения? Я не настаиваю, подумай, – сказала она, занимая водительское место и открывая заднюю пассажирскую дверь. – У тебя минута.

– А чего прячешься от света? Ты же совсем не страшная, я заметил. Фонарь не даст соврать. Ты откуда вообще такая взялась? – садясь в машину, спросил он. – Далекое повезешь?

– Меньше, чем через пять минут будем на месте. Из ресторана я ехала. Надоело, решила домой вернуться, а тут нарисовался такой кадр. Ты не обольщайся, мне не тебя стало жаль, а себя любимую. Сам, как думаешь, что чувствует женщина, возвращаясь одна из ресторана? Лично мне захотелось острых ощущений. Извини, за откровенность. Далекое не каждый день везешь домой мужчину с улицы. У тебя шанс передумать еще есть, я никуда не спешу.

– Поехали. Я все равно не смогу возить машину, а ты не похожа на маньячку. Да и брать у меня уже нечего. Обобрали, не обогрев. Меня Алексей Данилов зовут, а тебя как? – говорил он вполне осознанно, хотя и заторможено.

– Меня не зовут, я сама прихожу, – ответила Вика и замолчала. Она вдруг подумала: «А что будет, если он меня сейчас, через час, узнает? Нет, Данилов, если и узнает, то ни за что не признается, а вот разыграть меня может».

– Мы сейчас где? У тебя муж есть? – поинтересовался он минут через пять, когда машина остановилась.

– На подземной парковке в моем доме. Тебя это напрягает?

– Нет, но хотелось бы обойтись без мордобоя. Ты хорошо устроилась. Идем к тебе? Думаешь, я забулдыга? Ошибаешься. На трезвенника я совершенно не похож, но ты посмотри на мою рожу, одежду. Силы я не рассчитал, а деньги исчезли. Хорошо по физиономии еще не получил, – говорил он, следуя за ней. Так, что насчет мужа?

– Мне параллельно кто ты, где ты и с кем. Через час будешь ехать в такси. Муж мой в отъезде, но не думаю, что очень скучает, – говорила она в лифте, стоя к нему спиной. Открыв входную дверь, пропустила вечернего гостя. – Туалет прямо по коридору, можешь включить там свет. Я жду.

Он вышел через пару минут, погасив свет, а она ждала его у двери кухни. «Выпьешь?» – спросила она, доставая из шкафа коньяк и рюмки, а из холодильника лимон. Узкая полоска света позволила гостю рассмотреть на хозяйке вечернее платье, которое он оценил еще в лифте. Он принял рюмку, выпил залпом. Она сделала глоток, подошла к нему совсем близко и сказала: – «Помоги с платьем». Он нащупал и расстегнул замок платья. Оно само скользнуло на пол. Хмель начал выветриваться по мере того, как он на ощупь изучал тело хозяйки, которую устроил прямо на столе в кухне. «Теперь картинка со Светкой исчезнет из моей памяти», – успела подумать она, когда испытала необыкновенное острое желание ощутить это самой...

Прошло меньше получаса. Они не сказали друг другу ни слова. Лунный свет слабо освещал кухню, и можно было видеть лишь очертания предметов и тел. Виктория прошла в ванную, набросила на себя халат, заказала такси и вернулась.

– Тебе пора уходить, – сказала она. – Такси будет через пять минут. Держи, таксисты за город берут по вечерам дороже, – она протянула две купюры.

– Я мог бы вернуть тебе эти деньги. Я получил удовольствие не меньше твоего. Ты мне ничего не хочешь сказать? Может, снимешь запрет на электрический свет, и мы познакомимся? Я верну тебе долг, приехав в следующий раз трезвым и с цветами, – говорил он у порога.

– Нет! Следующего раза не будет, как не будет ни знакомства, ни возврата денег. У нас был уговор, и я его выполнила. Прощай.

Она закрыла за ним входную дверь, и, все еще улыбаясь, направилась в ванную. «Вот так и становятся распутными. Сегодня один, завтра другой, – думала она, глядя на себя в зеркало. – Не льсти себе, подруга. Не будет у тебя ни одного, ни другого. Ты не доверяешь мужчинам, не даешь им возможности завести с тобой роман. Ты без них обходишься, хотя иногда и желаешь их. Сегодня именно этот случай, но если бы ты не узнала его, не остановилась, будь он самым, самым, самым. А раз узнала, не думала уже ни о чем другом, как о том, чтобы он тебя не узнал, и затащить его в кровать. Зачем я это сделала? Я о нем давно забыла и столько лет не вспоминала. В душе ничего не шевельнулось при его появлении, но в голове сразу появилась эта безумная идея и острое желание. Это уже клиника. Мне прямая дорога к психиатру. Навязчивая идея, оказаться на месте Светки, проснулась спустя столько лет. Стало тебе легче, душа моя? Наверное, девять лет назад, я бы тоже восхитилась, но сегодня я этого сказать не могу. Да, все было на уровне, но без восторга, – говорила Виктория вслух, стоя под душем. – И что теперь? Да ничего. Получила удовольствие и радуйся, плюнь и забудь. Как там говорил Виктор? «Я заплатил деньги и воспользовался некой услугой». Возможно, Данилов пришел

бы в гости ко мне и без этого спектакля, но в этом случае, все было по-другому. Опять ты себе врешь, Виктория Андреевна. Ты просто сделала то, чего тебе с ним хотелось сиюминутно, а остроты добавил «маскарад», который ты сама устроила. Теперь Данилов тебе больше не нужен. Нет, не потому, что он тебя в чем-то разочаровал, а потому, что у тебя нет к нему ни чувств, ни интереса. Я о нем не слышала столько лет, но мне все равно, как он и где. То, что у него жена и двое детей, я не забыла, и ходить у него в любовницах теперь, я, не стала бы. С этой стороны, мне все ясно и понятно. Тогда почему я чувствую себя виноватой? Виноватой, ни по отношению к Данилову, а к Виктору. Сказать, что я ему изменила – смешно и глупо. Мы с ним бывшие любовники, бывшие друзья, где основное слово «бывшие». Но главное, я теперь точно уверена, что Грачев – это мой крест, который никто не сможет заменить».

Глава 1

Екатерина Казанцева, молодая учительница начальных классов и Андрей Карпов, учитель математики, выпускник вуза, познакомились в восьмидесятом году в средней школе небольшого города. Катя – местная жительница, старшая дочь в крестьянской семье, яркая, высокая брюнетка, бойкая и веселая. Андрей – родом из областного центра, единственный сын профессора медицины и доктора медицинских наук, не вышел ни ростом, ни внешностью. Интеллигентный, умный, порядочный шатен в очках. Ей было девятнадцать, ему двадцать два. Роман между ними закрутился так стремительно, что уже к Новому году сыграли свадьбу. Родители Андрея Павловича приехали на свадьбу, и это была единственная их встреча со сватами. Не сумев переубедить сына в опрометчивом поступке, они решили не мешать ему, надеясь, что брак этот будет недолгим. Отец Катерины отремонтировал дом своего отца, и теперь дочь с зятем имели свой угол. В восемьдесят первом году у пары родилась дочь, которую отец назвал Виктория. Вике было два года, когда отец, отработав положенный срок, перевез свою семью в город в квартиру родителей. Квартира в городе была большая. Павел Игнатьевич преподавал в медицинском институте, а Софья Андреевна была главным врачом в городской детской больнице. Осенью того же года, родители Катерины потеряли младшего сына, которому не было и двадцати лет, получив груз 200.

Родители Вики, устроив ее в детский сад, теперь работали в разных школах. Свекровь не любила невестку, хотя Катерина была хорошей женой, матерью и хозяйкой. Покоя не давала материнская ревность. Она все время искала причину своего недовольства и находила ее на ровном месте. А вот внучку она любила. Научила ее читать, водила на катание и плавание, а позже провожала в школу. К родителям в поселок Катерина приезжала только в отпуск и то на одну-две недели, хотя их разделяли всего каких-то сорок километров, а вот Вику привозила каждое лето. Для Казанцевых это была отдушина. Они души не чаяли во внучке, которая была очень похожа на свою мать, только была слишком маленькая и худенькая для своего возраста. В поселке ее прозвали Дюймовочка. Катерине Карповой хватило терпения жить с Софьей Павловной под одной крышей на семь лет, а потом она взбунтовалась. И не просто взбунтовалась, а подала на развод. В конце девяностого они развелись, и Катя привезла Вику к родителям. Вика после каникул пошла в третий класс, а мать вернулась в город. Первое время отец приезжал к дочери почти каждый выходной. Через год его визиты стали реже, хотя переводы приходили исправно. Визиты мамы всегда были неожиданными и недолгими. Девочка очень скучала по бабушке и дедушке, по родителям, по своей школе и подружкам. Она надеялась, что ее скоро заберут и все станет, как раньше. Она не понимала: почему вдруг стала им ненужной? Через два года отец уехал за границу, а мать вышла замуж за «нового русского». Теперь на почту приходили переводы и посылки с короткими письмами. Мария Казанцева написала письмо свахе о том, что внучка скучает, и очень ждала ответа. Вике было одиннадцать, она была умной и сообразительной девочкой и прочла письмо до того, как оно попало в руки бабушки. Она не ожидала прочесть ничего подобного ни о себе, ни о маме, ни о том, что между ними нет больше никаких родственных связей. Бабушка прямым текстом от нее отказывалась. Так Вика во второй раз пережила предательство родных людей. Наверное, именно в это время, она и захотела стать врачом и доказать всем Карповым, что она не хуже их. Приживалась она в поселке трудно. Одно дело приехать на три месяца на каникулы, и совсем другое жить постоянно. Девчонки из класса ее в компанию не принимали, считая еще маленькой, а по соседству жили в большинстве своем мальчишки. Поэтому летние каникулы она проводила больше с дедом в лесу или с бабушкой. Зимой больше читала, посещая библиотеку. Так она узнала, откуда взялось красивое название города и поселка. В начале двадцатого века появился сразу поселок, расположенный между лесом и озером. На озеро весной прилетали лебеди, и

поселок стал носить название Лебяжий. Чуть позже построили железнодорожную станцию, а еще позднее, между станцией и поселком началось строительство города. Сюда во время войны эвакуировали два завода. Построили швейную и мебельную фабрики, два комбината. В начале семидесятых годов здесь появились первые пятиэтажные дома. Улицы были широкими и параллельными, пересекаясь под прямыми углами кварталами. Три средние школы, детские сады и ясли, городская больница и население меньше сорока тысяч человек. Вначале восьмидесятых озеро решили сделать зоной отдыха. Но что-то не продумали. Подземные ключи, которые и образовали водоем, решили «почистить», не подумав о том, куда будет деваться лишняя вода. Она нашла выход и затопила три-четыре близлежащие улицы. Работы прекратили, рыба в озере перевелась, все заросло камышом, а главное лебеди уже не прилетали. Теперь об их прилете напоминали только названия: город Лебяжий, поселок Лебяжий. Училась Виктория хорошо, но к пятнадцати годам она поняла, что ее родные не потянут ее учебу в городе. Значит, нужно получить специальность и работать, чтобы учиться. Она после неполной средней школы поступила в своем городе в девяносто шестом в медицинское училище, окончив его с отличием в девяносто девятом. За три с лишним года обучения она приобрела новых друзей и подруг, стала гораздо общительнее, то занималась спортом, то самодеятельностью, чаще улыбалась и не чувствовала себя одинокой. Дружила с одноклассником, и даже проводила его в армию. Сергей, так звали парня, сам предложил ей не давать друг другу клятву верности, чтобы не нарушать ее в случае внезапной влюбленности. «Уедешь в город, Вика, там много соблазнов. Я тоже не монах, вдруг нечаянно влюблюсь. Мы же с тобой дальше нашего Лебяжьего не были. Если мы с тобой судьба, мы встретимся обязательно, – целуя ее на перроне вокзала, говорил он. – Я хочу оставаться тебе другом, а не предателем». Он понимал, что Вика вряд ли вернется назад. Шесть лет учебы, это даже ни два года армии. Виктория устроилась работать медсестрой в городскую больницу. Внезапно летом вернулась мать с новым гражданским мужем, четвертым по счету. Привезла небольшие подарки дочери и родителям, Екатерина передала сберегательную книжку.

– Вика, денег не так много, но на год-два учебы будет тебе прибавка к стипендии, если поступишь учиться. Не спеши их пока тратить, – говорила мать. – Это книжка на сына Василия. Пусть она побудет тоже у вас. – Пап, это документы на мою квартиру в городе. Она небольшая, однокомнатная, но это все, что оставили мне мои мужья. Я переоформила ее на Вику. Пусть документы и ключи останутся у тебя. Это деньги на ремонт дедушкиного дома. Василий обо всем знает и поможет тебе. Справитесь вдвоем?

– Справимся, – ответил отец. – Ты не стесняйся, говори, чего у вас не хватает для нормальной жизни. Вместе и придумаем, как выйти из положения. Ты мне скажи: вы приехали схорониться на время? Что с пропиской? Участковый придет обязательно.

– Пап, сделай, как я прошу. Нам не от кого прятаться. Надоело все, вот и приехали. Надоест здесь – вернемся обратно. Прописка у нас есть городская. Комната в общежитии оформлена на Васю, – ответила Екатерина. – Закроем эту тему и займемся делом.

Вместе с новоиспеченным зятем, ее отец, Михаил Иванович Казанцев опять отремонтировал дом, где раньше жила семья дочери и передал им жилплощадь. Мать Вики устроилась няней в детский сад, а ее Василий рабочим на фабрику. Но рабочий стаж обоих закончился с наступлением зимы. В старом доме деда был относительный порядок, было не только, что поесть, но и выпить. Горькими пьяницами эту пару нельзя было назвать. И хотя завтрак хозяев начинался со ста грамм, к вечеру они были адекватными. Екатерина готовила обеды и ужины, между делами, вязала на продажу кофты и свитера, а Василий мог починить бытовые приборы, поддерживал порядок во дворе, топил печь. Заработанные ими деньги, были не теми деньгами, на которые можно прожить. Михаил Иванович жалел дочь, прекрасно понимал, что приезд ее на малую родину вынужденный, но он не знал причины, а Катя ничего не хотела объяснять. Так в догадках и неведении прошел год. Отношение Виктории с матерью не были близкими.

Во-первых, они до приезда виделись не чаще двух-трех раз в год, во-вторых, мать не стремилась налаживать контакт не только с дочерью, но и со своими родителями. Дальше прихода раз в неделю для помывки и стирки в баню, с небольшим презентом для родителей, общение не распространялось. Мать могла протянуть дочери купюру и сказать: – «Купи себе платье или сарафан, ходишь, как пацан-подросток. Невеста уже». Так что Вика все свои девичьи вопросы адресовала бабушке, хотя дед ей был ближе, так уж случилось. Виктория собиралась в отпуске поехать в город, подать документы в медицинский университет, имея на руках направление городской больницы. Дедушка с бабушкой надеялись, что у нее все получится, мама же пообещала ее «приодеть» по такому случаю. А еще, ей очень хотелось увидеть всех Карповых, которые о ней забыли на десять лет. Она знала со слов матери, что отец живет за границей, но оставались дедушка и бабушка, родители отца. Она не знала, как ее встретят, как могут сложиться, или не сложиться их отношения, но она хотела их увидеть. И тут произошло то, что перевернуло все представления не только о счастливой жизни, а о жизни вообще.

Глава 2

Лето двухтысячного года выдалось ранним и очень жарким для этой климатической зоны России. В полдень припекало так, что воздух казался сухой и жаркий, как в духовом шкафу бабушкиной печи, в которой она пекла хлеб. От жары спасал дом, окна которого открывались только на ночь.

– Викуся, сходи за дедом. Дед в лесу, а к дому Катюши кто-то на машине приехал. Не спокойно мне что-то, – попросила бабушка. – Сама туда не ходи. Пусть дед сам разберется.

Вика, не послушала бабушку и решила не идти за дедом, а самой посмотреть, что происходит в доме матери. Дом стоял на краю поселка метрах в ста от леса. У забора стояла машина, а в доме переговаривались на повышенных тонах. На дворе было лето, и форточки в доме были открыты. Она переступила порог дома и увидела привычную, для последнего времени, картину застолья. За столом сидели мать, ее сожитель и молодой приезжий гость, скорее городской, которому было не больше тридцати лет. Гость был среднего роста, коренастый, коротко стриженный, с татуировкой на груди, которая была видна под расстегнутой легкой темной рубашкой.

– Мам, что у вас происходит? Бабушка волнуется. У вас все в порядке? – спросила Вика, глядя на мать.

– Гостя встречаем. Проводим его, и я зайду вечером к вам. Иди домой, – ответила та, как-то совсем не уверено.

– Ты, Катюха, не торопись. Чего ты ее гонишь? Я могу ради такой крали и задержаться, – сказал приезжий, поднимаясь из-за стола. – Компания станет веселее. Выпьешь? – спросил он, протягивая ей стакан. – Давай знакомиться.

– Спасибо, я не пью, – ответила Вика, направляясь к выходу.

– Стоять! – он схватил Вику за руку. – Не надо так спешить, – он залпом выпил водку из стакана, предложенного Вике, поставив его на стол.

– Гоша, отпусти девчонку, пусть идет домой, – вставая из-за стола, сказал Василий, беря в руки нож. – Она не пьет, и делать ей здесь нечего.

– С чего вдруг я ее должен отпускать? Это будет малой платой за ваши недостающие проценты. Сядь и сиди смирно, – ответил он, доставая из-за пояса пистолет. – Сегодня будет так, как я скажу. Ты крыса, видимо, не совсем понимаешь своего положения. – Он прибавил громкость музыки в магнитофоне и похотливо посмотрел на Вику.

– Гоша, по-хорошему прошу, девчонку отпусти. Тебе нужны проблемы? – не унимался Василий. – Хочешь привлечь внимание соседей?

– Я не понял, она тебе кто? Или тебе Катюшки мало? Так я не жадный, могу поделиться, – он, как будто упивался своей властью над ситуацией.

– Заткнись козел! Она девчонка совсем, – перешел на крик Василий и метнул в гостя нож. Между ними были не больше трех метров, и нож достал бы приезжего, но он держал за руку Вику, и рука Василия дрогнула, бросок получился не точный. Нож угодил ему в мягкие ткани левого предплечья.

– С козлом ты ошибся, брат, – зло сказал он, толкнув Вику на диван, схватил с него подушку и через нее выстрелил в Василия, который запрокинув голову, откинулся на стул.

Мать Вики завизжала и тут же получила по голове рукояткой пистолета, уронила голову на стол. Убийца приложил палец к ее шее, пульса не было. Он положил пистолет на стол и посмотрел на Вику, которую парализовал страх.

– Аптечка знаешь где? Тащи ее сюда и поторопись, у тебя мало времени, – говорил он, дернув Вику за руку так, что она подскочила с дивана и оказалась рядом. – Быстро забинтовала, без всяких соплей, – глядя на принесенную коробку, сказал он. – А ты молодец! – наблюдая за работой ее рук, которые дрожали, сказал он. – Медсестра? Ладно, не важно.

– За что вы их убили? Зачем? – спрашивала Вика, едва слыша свой голос.

– За старые грехи, – ответил он, задирая ей короткий подол платья. – Не будем церемониться, – он рванул за вырез, и платье оголило ее до пояса, еще рывок, и платье превратилось в лохмотья.

Вика прикрыла грудь руками, все еще не веря в происходящее: «Пожалуйста, не надо, – просила она. – Отпустите меня».

– Ты, дура деревенская, вообще без мозгов? Как я отпущу тебя? Ты же свидетельница всего этого, – говорил он, без всякого сожаления, как будто то, что произошло секунды назад, было вполне обычным делом. При этом, разжимая ее руки, трогал ее грудь, разглядывая все тело. – Будешь дергаться, изобью. Перед тем, как тебя грохнуть, я тебя трахну от души, у меня не было еще трезвой и смазливой деревенской девки. Профессионалки из города хороши, но не натуральные. Чего-то я переборщил сегодня, мне нужно расслабиться. Ты живешь столько, сколько я тебя буду хотеть, а потом извини, мне в город вернуться нужно быстрее.

От одного его голого вида ниже пояса и запаха, ее стошнило. Ее желудок был пуст, а позывы не прекращались.

– Что, болт не нравится? А ты ему очень. Он уже и стойку принял. Не дергайся, сучка, руки свяжу, но дело свое сделаю. – Он завел ей руки за спину, связал их обрывками платья, развернул к себе спиной, сдвинул посуду на столе, повалил Вику грудью на стол, отодвинув пистолет. Схватив за волосы сопротивляющуюся девушку, он несильно стукнул ее лицом о стол и нашел то, что хотел. Он пыхтел, как паровоз. Вика плакала, ей казалось, что еще немного, и она потеряет сознание. Он, то останавливался, то продолжал. Вдруг убийца перестал не только пыхтеть, но и двигаться, а секундой позже грохнулся на пол. Вика замерла.

– Викуля, надень мамкин халат, – развязывая ей руки, говорил дед. – Держи лапушка. Иди к пруду или на родник. Я здесь все приберу. Ты только помни о том, что все были живы, когда ты приходила. Запомни, солнышко мое, – говорил ей дедушка, спешно помогая одеться. – Забери то, что раньше было платьем. Бросишь в домике. Ты ему перевязала рану, он на тебе разорвал платье, но ты от него вырвалась. Бежала за мной и встретила меня на полдороги. Иди, родненькая, иди, – говорил он, снимая с плеча ружье.

Вика двигалась, как во сне, в голове были слова деда: «Пруд, родник, живые все, полдороги, вырвалась». Михаил Иванович проводив внучку за порог, вернулся в комнату, проверил пульс у дочери и ее сожителя. У обоих пульса не было. Он закрыл широко распахнутые глаза дочери. Поднял с пола небольшой топорик, обухом которого стукнул приезжего, вынес его и бросил в яму туалета. Вошел в дом, где приезжий начинал приходить в себя. Михаил Иванович легко подтянул его к печке, которая была обрамлена железным уголком, усадив его подальше от пистолета. Рана на голове была небольшой и немного кровоточила. «Надо было сильнее бить. Как же земля таких иродов носит? Ведь нелюди они», – говорил он чуть слышно.

– Скорую вызови. Не хочется подыхать. У меня кровь плохо сворачивается, болезнь такая. Видишь, повязка совсем мокрая, да и голова раскалывается. Давай, дед, не тяни. Я тебе денег отстегну.

– Вызову, когда хозяйство спрячешь, да расскажешь, что здесь произошло. За что ты их убил? – тихо спросил Михаил Иванович.

– Катку я не хотел, а Васька за козла ответил. Они все равно были не жильцы. Их давно приговорили за присвоение чужого, еще до того, как вычислили. Сумку мне подай. Девку трахнул, так она сама этого хотела.

– Так хотела, что ты ей руки связал? – спросил дед, двигая сумку ногой ближе к приезжему.

– А ты докажи, – огрызнулся тот, не чувствуя за собой вины в смерти двух человек, еле застегивая штаны и расстегивая сумку.

Михаила Ивановича вдруг осенило: «Не поспею я вовремя, он бы убил и Вику, как свидетеля. Как же я старый дурак до этого не додумался. Нет, парень, тебе не скорая нужна, а большая потеря крови. Пусть твоя болезнь тебя и накажет». Он взял парня за плечи. «Дай посмотрю рану, – говорил он, а сам переместил свои руки к его ушам и с силой приложил его затылком о металлический уголок печки. Парень затих, а по печке побежал кровавый ручеек. Заглянул в расстегнутую сумку, где действительно было много денег и всяких украшений. Деньги, перевязанные резинками, были наши и «чужие». Полотенцем, которое висело у рукомойника, он вынул несколько пачек знакомых купюр, опустил их в пакет, лежащий на столе, а сумку закрыл этим же полотенцем. – Ладно, Катюша сама выбрала себе эту дорогу. Но за что все это Вике? – говорил он вслух, а на глазах были слезы. – Как девчонка переживет такое унижение? Не сломаётся, справится ли?» Он, переворачивал табуретки и, вкладывая пистолет в руку приезжего, не сразу заметил в проеме двери свою супругу, и продолжал тихо сокрушаться. А заметил, когда Мария Никитична тихо оседала на порог с широко раскрытыми глазами.

– Маша, Машенька, – плакал Михаил Иванович навзрыд, звал он жену, пока не понял, что она не дышит. – Господи, за что? За что нам такое страшное наказание? Он брел по поселку, как пьяный. Слезы застилали глаза, и он шел, как в тумане. – Степан Кузьмич, у Катюшки в доме беда. Там в доме все мертвые и машина чужая, – говорил он участковому. – Помогите мне, один я не справлюсь. Там и Маша моя. Удар ее хватил, как все это увидела, а мне еще Вику найти надо.

Участковый вызвал наряд из городка, дальше помогли соседи, а Михаил Иванович, найдя внучку в домике лесника, тем временем успокаивал ее. Она свернулась калачиком на кровати, укрывшись старым полушубком. Ее била не то нервная дрожь, не то озноб.

– Как ты, лапушка? – спросил дед дрожащим голосом. – Ты не переживай, я сохраню все в тайне. Время лечит. Я тебе вещи принес из дому.

– Я на пруду была, только эту грязь, деда, никакой водой не смыть. Прости меня, – она обхватила деда за шею, как в детстве и, положив ему свою голову на плечо, горько заплакала. – Такое клеймо теперь на мне. Я сама себе противна. Мне жить не хочется. Как там мама?

– На кого ж ты меня одного оставишь? Тебе, лапушка, жить надо. Нет больше Катюшки с Василием, но и подонка этого больше нет. В город его увезли. Ты не думай об этом. Я кроме трупов в доме ничего и не видел. Только у нас еще одна беда. Сердце бабушки не выдержало всей этой картины. Нет больше Марии Никитичны.

– Как нет, деда? Зачем она туда пошла? – Вика опять заплакала. – Почему я не послушала бабушку и не пошла сразу за тобой? Ты бы обязательно помог нам всем со своим ружьем. Это я во всем виновата, – всхлипывала она.

– Кто же ее знает? Не дождалась тебя и пошла. Осиротели мы с тобой, – говорил дед, смахивая слезы. – Он приехал их убивать и забрать добро, которое они охраняли или присвоили. Я толком и не понял, но сумку с добром видел. Нам с тобой в поселок нужно идти, лапушка. Степановна во всем поможет, подскажет. Похороны завтра. Ты переоденься, да волосы подбери.

Они долго сидели, крепко обнявшись и горько плача, пока за ними не приехал участковый со следователем из города. Вместе вернулись в дом, где произошла трагедия. С них сняли показания и отпустили домой. Трех хоронили всем поселком на следующий день. Такой трагедии за всю его бытность не было. А после похорон, Михаила Ивановича оставили под домашним арестом до окончания следствия. Всю неделю, убирая в доме матери, Вика постепенно выбрасывала все, что напоминало о случившемся. Можно было управиться и за пару дней, но она не могла оставить деда одного и ходила следом. Дед каждое свое утро начинал с дома дочери. Приходил туда, сидел на низком табурете и молчал, уставившись в одну точку. Обыск, устроенный в доме в первый день, ничего не дал, а вот Вика, убирая, нашла в холодном поддувале двадцать тысяч рублей среди золы и тонкую золотую цепочку, которая выскользнула из пододеяльника, когда она снимала постель. Цепочка была мамина. Всю неделю, через день,

приезжие следователи снимали показания с деда и внучки, а по поселку поползли слухи. Говорили и о том, что дед специально убил приезжего, который сразу застрелил зятя, а потом уже изнасиловал внучку. Что половину сокровищ, которые нашли у приезжего, дед присвоил себе. Что неспроста их пытаются, целую неделю, добиваясь правды. Что теперь Вика закончит свою жизнь так же, как мать. Говорили немногие, а вот верили гораздо больше. Вика стала сторониться не только друзей, но и подруг. Она не понимала: почему люди, знавшие ее семью, так легко верят всему? Почему осуждают деда, потерявшего сразу жену и дочь из-за отморозка, которому место в тюрьме? Ведь, окажись любой из них на месте деда, он бы не задумываясь, расправился с подонком. Она не рассчитывала на сострадание и участие, но и обвинять их было не правильным. Она старалась не выходить со двора и ни с кем не встречаться.

– Викуля, тебе надо уехать, пока местные бабы не вынесли тебе смертный приговор своими сплетнями, – говорил ей дед, возвращаясь из магазина. – Они меня не иначе, как убийцей кличут. И ведь знают, подлые натуры, что все не так было, как сочиняют. Откуда столько злости в людях? Может, они надеются на то, что я с ними сокровищами поделюсь, чтобы замолчали, дуры старые? Милиция и та отвязалась, а эти никак не угомонятся. Поезжай. Ты же собиралась учиться. Жизнь не закончилась, она продолжается.

– Дедуля, если ты не перестанешь тосковать, я никуда не поеду, – говорила Вика, возвращаясь с кладбища на девятый день. – Закончится мой отпуск, выйду на работу и забуду про учебу.

– Я справлюсь, лапушка. Я ради тебя буду сильным. Ты поезжай после выходных. Одним днем не справишься, задержись. Ты должна учиться, ты девушка умная. Докажи, что диплом тебе училище не зря выдало красный. Ты у меня, лапушка, по имени Победительница, как та богиня, – говорил дед, обнимая ее за плечи. – Обещаю, что в Катин дом не пойду больше. Вернусь к работе, больше буду времени проводить в лесу. Все у нас с тобой, Викуся, получится. Подашь документы и вернешься до сентября.

– Как ты думаешь, мне стоит разыскать Карповых?

– Ты Павла Игнатьевича найди. Он, в отличие от своей Софьи, с головой дружит. Если и не поможет, то и вреда большого от него не будет. Не ходи сразу к ним в дом, найди профессора на работе. Я об одном тебя прошу: не отчаивайся, если не признают. Трудно осознавать свои ошибки, а исправлять не каждому по силам, – советовал дед Вике. – Мне кажется, Павел будет рад встрече, чего не могу сказать о Софье.

Виктория Карпова, прежде чем встретится со своим дедом по отцовской линии, которого не видела десять лет, решила узнать о нем немного. Она пришла в университет и поинтересовалась у вахтера, что он за человек и как его найти. Разговорчивая вахтерша, уставшая без общения, рассказала ей о ее деде многое. Дело в том, что в данное время, университет посещали либо абитуриенты, либо «двоечники», пересдававшие экзамены, а ей хотелось общения.

– Павел Игнатьевич, хотя и профессор, но очень простой человек. Он, как рентген, видит студента насквозь и всегда дает возможность талантливому человеку, а бездарям еще и помогает найти себя, – говорила она, рассказывая истории и из личной жизни профессора, и из университетской. Через два часа и чаепития, она показала Вике на мужчину, спускающегося по лестнице. – Вон твой профессор Карпов, иди, пусть тебе повезет.

По лестнице спускался пожилой седой мужчина невысокого роста, средней полноты в очках. Таким Вика бы его не узнала, не получив подсказки вахтерши. Она направилась следом за ним, не зная, с чего начать разговор. Они прошли уже метров двадцать от выхода, когда она все же решила его окликнуть.

– Павел Игнатьевич, извините, я могу с Вами поговорить? Мне не нужна помощь, мне нужен Ваш совет, – сказала она, когда тот остановился. – Я не займу у Вас много времени, но для меня это важно.

– В чем совет? Какого рода? Кто Вы, милочка? Не волнуйтесь Вы так. Я студентов своих всех помню. Раз Вы не просите помощи, давайте присядем и побеседуем, – спрашивал и говорил он, а сам направлялся к ближайшей скамейке. – Я Вас слушаю, – сказал он, присаживаясь. – Смелее.

– Я окончила медицинское училище год назад, работала медсестрой в больнице. У меня есть направление, есть диплом, но нет уверенности в поступлении. Как Вы думаете: у меня есть шанс? – протягивая ему свой диплом с вкладышем, спросила Вика.

– У Вас все получится, Виктория Андреевна Карпова. С такими отметками вам надо на второй курс идти, а не в приемную комиссию. Мы с Вами еще и однофамильцы. Как странно, Вы не находите? Вы сами, откуда родом? – возвращая ей документы, говорил профессор Карпов.

– Простите меня за обман, мне не нужен совет, мне нужно было с Вами встретиться, а я не находила причины. Не ломайте голову, Павел Игнатьевич, я Ваша внучка из Лебяжьего, – сказала она, опустив голову.

– Виктория? Почему же ты раньше не объявилась, Вика? Зачем так долго ждала? Почему ни разу не написала? – спрашивал он, глядя на нее, словно хотел найти знакомые черты. – Как же хорошо, что ты меня нашла, – беря ее ладони в свои руки, говорил дед, обретая взрослую внучку. – Ни разу не приехала. Почему?

– Наверное, потому же, что и Вы с бабушкой. Я писала, да только в ответе был отказ от подобного родства, и я не стала надоедать.

– Я тоже виноват, девочка моя. Доверился жене и поверил, что ты не хочешь нас знать, – говорил он волнуясь. – Домой мне вести тебя пока нельзя. Софья Павловна после отъезда Андрея совсем с головой не дружит. Пойдем, посидим где-нибудь, и ты мне обо всем расскажешь. Сегодня, какое число? У тебя же день рождения, вот и отметим твое девятнадцатилетие.

Они второй час уже сидели в кафе. Вика рассказала обо всем, что она помнила после переезда из города в поселок, как жила, что произошло в последние годы и чем все закончилось. Профессор слушал, иногда задавал вопросы.

– Ты вот что, Виктория Андреевна, напиши заявление и оставь мне все свои документы. С университетом, Вика, я тебе попробую помочь. Нам нет смысла идти на первый курс и проходить его заново. Если получится, пойдешь сразу на второй курс, а если нет – сдашь всего один экзамен, – говорил он. Чтобы ты не переживала, давай мы с тобой встретимся двадцать пятого числа. К этому времени я буду уже знать, о твоих дальнейших шагах. У нас все должно с тобой получиться. Ты же у нас символ победы. Виктория! У меня теперь совсем другая жизнь, девочка моя, начнется. У меня такой стимул появился.

Они тепло распрощались, договорившись, где они встретятся. Вика вернулась в поселок и рассказала обо всем деду.

– Вот и славно, что с Павлом повидалась. Я, лапушка, не ревную тебя к нему. Есть возможность, пусть помогает. Пока со своей Софьей не договорится, проси общежитие. У тебя, в любом случае, есть полтора месяца, чтобы купить обновки на учебу. А с работы уволишься после отпуска. Ты, лапушка, должна сделать еще два неотложных дела: проверить квартиру, что мать на тебя оставила и найти родственников Василия. Они должны знать, что с ним случилось, передашь им свидетельство, пусть решают вопрос с комнатой.

Вторая встреча Вики с Павлом Игнатьевичем, решила все ее проблемы с образованием и проживанием. После собеседования, на комиссии, которое она прошла с легкостью, Виктория Карпова стала студенткой второго курса педиатрического факультета медицинского университета. Ей предоставили место в общежитии секционного типа. Секция на пять комнат со своей кухней и двумя плитами. В каждой комнате был туалет и раковина. Вике повезло, и она попала в комнату на двоих. Размер комнаты был 2,5х3,0, но это была только комната, за стеклянной дверью, а перед ней, маленькая прихожая с дверью в туалет и раковиной справа, и холодильник

ником, слева, над которым висел шкафчик для посуды. Рядом с входной дверью вешалка для верхней одежды. Комната была обжитая. Двухъярусная кровать справа и встроенный шкаф, стол и два стула слева, над которым висели полки и небольшой плательный шкаф. Соседку Оли Понамаревой, так звали хозяйку комнаты, отчислили за неуспеваемость, и Вика заняла ее место.

– На правах старожила, я занимаю нижнее место. Так и тебе будет безопаснее с моими габаритами, – шутила Ольга. Она была упитанной, но не толстой, а скорее ширококостной. Короткая стрижка рыжеватых волос, голубые глаза и в голове масса идей. Она бралась за любую работу, которая приносила доход, но тут, же спускала эти деньги на развлечения и опять искала работу. Училась без «хвостов» и лиц мужского пола, которые были в группе и на курсе, серьезно не воспринимала.

В начале августа Вика сделала аборт. Решение это она приняла сразу, как только узнала о беременности. У нее и мысли не было сохранить ребенка. Она перестала ненавидеть саму себя с той самой минуты, когда встала с гинекологического кресла, смогла избавиться от плода убийцы и насильника. Устроилась на работу в больницу. График работы в реанимационном отделении городской больницы ей установили следующий: два выхода в неделю в ночь с пяти до восьми и в один из выходных сутки. Павел Игнатьевич воспринял инициативу внучки в штыки.

– Ты когда собираешься учиться? – спрашивал он с явным огорчением. – Стипендия маленькая, я согласен, но я намерен тебе помогать.

– Если не потяну этот воз, найду что-нибудь другое. Мне нужно работать. Как ты этого не понимаешь? Мы будем с тобой видеться в те дни, когда я не работаю. Но в выходной я буду ездить ко второму деду, и это не обсуждается.

Прошел один месяц совмещения учебы и работы, потом второй. Виктория постепенно привыкла к своему графику, и ее не утомляли ни дежурства, ни встречи с одним дедом, ни поездки к другому дедушке, а учеба даже нравилась. Она нашла по адресу «свою» квартиру и узнала, что та сдана матерью в аренду, которая заканчивается. Здесь жила молодая семья с маленьким ребенком, и Виктория, не раздумывая, продлила срок аренды с ежемесячной оплатой на счет, не увеличивая ее. Не сразу нашла родственников Василия, а когда нашла, не сразу решила, кому рассказать о том, что случилось. У Василия осталась дочь от первого брака, которой было лет двадцать пять. Она была замужем и жила в хорошем районе города. И сын от второго брака, лет девятнадцати, студент, живущий с мамой. Вике, без помощи профессора, поиски дались бы нелегко, как и встречи, и выбор, но дедушка опять оказал ей содействие. Она сделала все, что должна была сделать.

– Павел Игнатьевич, скажи мне, дорогой: почему ты стал задерживаться с занятий по какому-то плавающему графику второй месяц подряд? Приходишь домой довольный, глаза, как у молодого блещут. Ты нашел мне замену? А ты помнишь, сколько тебе лет? Сколько лет твоей новой пассии и как долго продлится этот, с позволения сказать, роман?

– Софья Павловна, к чему столько иронии? А главное, зачем эти вопросы, если тебя не устроят мои ответы? Ты же сама на них давно ответила так, как тебе это удобно. Скажи я правду или солгу, ты все равно останешься при своем мнении. Да, я встречаюсь со студенткой второго курса. Ей совсем недавно исполнилось 19 лет. Умница, красавица, а главное, если и не любит меня, то уважает. Наши отношения с ней, думаю, будут долгими, и если встанет вопрос выбора между тобой и ею, я выберу ее, ведь она моя внучка, – ответил муж жене и улыбнулся. – Надо бы, Андрею сообщить эту новость. Пусть и папаша порадует.

– Кто она твоя? Внучка?

– А ты что, за десять лет забыла, что у нас есть внучка? Дочь нашего Андрея. Карпова Виктория Андреевна, 1981 года рождения. Ты можешь ее не признавать, не общаться, но запре-

тить это сделать мне, ты не можешь. Хорошая девушка выросла. Внешне, она на мать похожа, умом на Андрея, но характер, упаси Бог, от части, твой.

– Кто бы тебя с другим характером вытерпел столько лет? Ты себе этот вопрос задай, – недовольно сказала Софья Павловна.

– Я сказал, что от части, он твой, и подразумевал упрямство и твердолобость, а не что-то другое. Сама посуди: два дня в неделю идет работать в ночь, потом на занятия, один выходной работает сутки, в другой едет к деду. Как тебе такой график, нравится? Вот мне только три дня, после занятий, и отведено из семи дней.

– Ей что и помочь не кому? Куда Катерина подевалась?

– Почему некому? Есть у нее в городе дед с бабкой, да толку от них нет никакого. Денег она не возьмет. Ей семья нужна, а не отступные. Скажи, Софья, что нам эта девочка сделала плохого, что мы забыли о ней на десять лет? Я не только тебя спрашиваю, я и себе этот вопрос задаю. Ладно, с Катериной у вас не сложились отношения, но ведь ты Вику любила, баловала, гордилась. Куда все делось? Ведь это ни я ее нашел, а она меня. Она не помощи у меня просила, а совета. Я не мог ей не помочь, не имел морального права не попытаться и все исправить. Да и что я сделал такого, чего она не заслуживает. Я даже ею немного горжусь. Ее бы силу воли, да нашему сыну и, возможно, он бы не наделал столько ошибок с твоей помощью. Теперь у тебя не будет вопросов по поводу моего отсутствия? Ни матери, ни бабушки в Лебязьем у Вики больше нет. Остался только дед. У нас был с Викой разговор о тебе, и она хотела бы тебя увидеть, но только с твоего согласия.

– Я сейчас не готова к встрече с ней. Да и что я ей скажу после стольких лет, Павел Игнатьевич? Поздно каяться в собственных грехах.

– Не опоздай, Софья. Ой, не опоздай!

Год учебы пролетел быстро и незаметно. Из месяца в месяц ничего не менялось. Университет, общежитие, работа, университет. Она иногда шла на экзамен или зачет прямо после дежурства, и только потом отсыпалась. Поездки к деду ни разу не сорвались. Из города она везла ему коляску его любимой «Краковской» колбасы, баночку сгущенного молока или кофе со сгущенным молоком, сыр, печенье и конфеты «Птичье молоко». Все это было и в их городке и в поселке, но дед никогда не купил бы этого сам из-за экономии. Он покупал хлеб, сахар, масло. Молоко брал у соседей, а яйца несли ему десять кур. Картофель был свой, как и капуста, морковь и заготовки на зиму. Дед экономил на всем, но каждый ее приезд, разбирая продукты, вручал ей деньги, которые она чаще всего «забывала» брать. Зарплата, стипендия, плата за аренду позволяли ей такие покупки. Она покупала на местном рынке мясо или курицу и готовила ему обеды на два, три дня. Простенький суп или уху он мог приготовить и сам, как жареную рыбу или картошку, но Вике было спокойнее оставлять ему борщ, плов или котлеты на пару-тройку дней. За лето, после сессии, она трижды приезжала на неделю, десять дней, разбивая, таким образом, свой отпуск. Постепенно дедушка привыкал жить один, но каждый выходной ждал свою «лапушку». Разговоры в поселке о них утихли, а осадок остался. С сентября все вошло в обычный режим. Теперь она два-три раза встречалась после занятий с одним дедом, а в выходной ехала к другому. Павел Игнатьевич, зная, что Вика не возьмет денег, открыл на ее имя в банке счет и «выплачивал» внучке повышенную стипендию. В течение года он купил ей компьютер. Аппарат не дорогой, но нужный. Посоветовавшись с сыном, который в этом деле был профи, он нашел приемлемый вариант. Вика освоила быстро печатное мастерство, и использовала его, пока, как пишущую машинку. На каждую встречу, он приходил с портфелем, где хранился небольшой пакет с деликатесами. Это были продукты не первой и даже не второй необходимости, хотя и были куплены в обычном супермаркете, а возможно и подаренные профессору кем-то. Вика очень удивилась и начала переживать, когда в обычное время Павел Игнатьевич не пришел на встречу. Только попав на следующий день на смену, она поняла причину его отсутствия. Карпов Павел Игнатьевич вчера был доставлен в реанима-

ционное отделение с обширным инфарктом. Врачи не давали утешительных прогнозов. Вика просидела рядом с ним всю ночь, а утром дедушка умер. Хоронили профессора из стен института пятнадцатого октября. Она была на похоронах, видела бабушку и отца, но не подошла. Софья Павловна, зная о встречах мужа с внучкой, так и не познакомилась с ней, и появиться рядом с ней в такой момент, Вика не решилась. Чуть больше года она общалась с Павлом Игнатьевичем, и ей было очень жаль, что это так внезапно прекратилось. «Ты был не только хорошим дедом, но и собеседником, советчиком. Сколько мы упускаем приятных моментов в своей жизни, из-за старых ссор и обид? Сколького можно было избежать, научись мы прощать во время, – говорила она, стоя у могилы деда, когда все уже разошлись. – Я буду навешать тебя, рассказывать, как мои дела и, возможно, найду подход к бабушке».

Глава 3

Весна 2002 года выдалась ранняя и теплая. В конце апреля зацвела сразу сирень, потом яблони. Со двора больницы, особенно по ночам, запах цветущих деревьев попадал в помещения, палаты. Операция, длившаяся два часа, закончилась. Больного направили в реанимационное отделение, а доктор Данилов взялся за истории болезни. Часа через три, он прошел в реанимацию. За столом сидела молодая медсестра, которую он раньше не видел.

– Доброй ночи! – сказал он, и девушка подняла на него глаза, сняв очки, в которых читала. – Как ведет себя Скворцов?

– Все показатели в норме. Час назад пришел в себя. После укола спит. Его кровать справа у стены, – ответила она, глядя на него своими зелеными глазами.

– Ты новенькая? Как зовут? – спросил доктор.

– Я работаю здесь второй год: два раза в неделю в ночь и сутки в выходной. Учусь на третьем курсе, а зовут меня Виктория.

– Поступала после школы?

– После медучилища.

– Тяжело учиться и работать?

– Я справляюсь, – говорила она, а сердце чуть не выскакивало из груди. Вике очень нравился Данилов Алексей Михайлович, 1975 года рождения, хирург, окончивший университет за два года до ее поступления. Это был молодой мужчина, ростом чуть больше ста восьмидесяти сантиметров и весом не меньше восьмидесяти килограмм. Шатен с короткой стрижкой густых волос, серо-синими глазами, балагур, весельчак и любимец женщин. Она прекрасно знала, что Данилов женат на яркой блондинке, что у него растёт маленькая дочь, но этот факт ее не огорчал. Она была влюблена в него уже месяцев восемь, и эта любовь была безответной и молчаливой.

Данилову девушка очень понравилась. У нее была приятная внешность, без всяких следов косметики и природное обаяние. Для стандартов Данилова, юной деве не хватало роста сантиметров на пять-десять.

– Вика, мне можно пригласить тебя в кино? – спросил он, хитро глядя на нее.

– Вы, таким образом, пытаетесь меня обхаживать? Алексей Михайлович, у Вас жена, ребенок маленький, Вы посвятите им свое свободное время. Дело в том, что я не встречаюсь с женатыми мужчинами и не завожу романов на работе. Извините.

– Это ты меня извини. Что-то я разговорился. Спокойного тебе дежурства, – миролюбиво ответил Данилов, удаляясь.

– Спасибо, – ответила она и улыбнулась.

Прошла неделя, а Данилову никак не удавалось забыть новую знакомую. Он пытался найти в ней хотя бы, какой недостаток, чтобы переключить свое внимание и не находил. Возможно, ее «нет» и зацепило его, не знающего отказов. Он решил узнать о ней больше и поговорил с коллегой из реанимации. Разговор начался о больных, и перешел на Викторию.

– Петрович, у вас в отделении сестричка новая, зеленоглазая?

– Это Вика. Ты челюсть подбери, Казанова. Словом обидишь ее, будешь иметь дело со мной, я наслышан о твоих подвигах.

– Вот даже как? С чего вдруг? – удивленно спросил Данилов.

– У тебя, Лешка, мозги работают в одном направлении, да и то не в голове, а в головке. Таких сестричек, как наша Вика, в нашей больнице больше нет. Крутится, как белка в колесе, как юла, чтобы жить и учиться. Характер золотой и натура не продажная. Конечно, ходить в любовницах у таких как ты, было бы проще, но она себе цену знает. Ты не дури девчонке голову, не обнадеживай, ей и так в этой жизни досталось. Отец с матерью разошлись, передав

ее бабушке с дедом в детстве. Теперь отец в Америке, мать с бабушкой в могиле. Бабушка, мать отца, живет в трешке, а наша Вика в общежитии. Ты думаешь, я это от нее узнал? Как же, скажет она. У нее на все ответ: « У меня проблем нет». Ты профессора Павла Игнатьевича Карпова помнишь?

– Конечно, помню и его, и его лекции, но он, же умер.

– Вика его внучка, дочка сына профессора «американца».

– Ты хочешь сказать: внучка профессора, дочь американского гражданина живет в общежитии и работает у тебя в отделении?

– Она работает так, что бывает и врач рядом с ней бесполезен. Поэтому, Леша, заставь думать свою голову. Ты меня услышал?

Данилов решил подружиться с Викой. Он встретил ее после дежурства рано утром в воскресенье, надеясь провести этот день с ней.

– Вика, садись я тебя подвезу, куда скажешь, – открывая пассажирскую дверь авто, предложил он. Совсем не обращая внимания на то, что этот его порыв может быть кем-то замечен.

– Доброе утро, Алексей Михайлович. Если можно, отвезите меня на автовокзал, я, кажется, опаздываю на автобус. Дедушка знает о том, что я приеду, и будет волноваться. Я бываю у него в свободный выходной, возвращаюсь рано утром на следующий день, вечером автобусов нет.

– Далеко ехать? – спросил Данилов, разворачивая машину.

– В Лебяжий. Это сорок шесть километров от города, – ответила Вика и стала рассказывать о городе и поселке.

– Давай я за тобой приеду часов в девять вечера, – предложил водитель, с интересом выслушав ее.

– Спасибо. Я по старой памяти доберусь сама.

– Ты меня боишься? Почему? Или я тебе не нравлюсь? – задал Данилов вопросы, и теперь ждал ответов, остановив автомобиль на автостанции.

– Я себя боюсь. Боюсь, не справится со своими чувствами, боюсь, стану причиной разлада в вашей семье, боюсь ошибиться. Вы мне нравитесь, – сказала она, поцеловав его в щеку, и вышла из машины, забрав свою сумку. – Спасибо за помощь.

Она шла к автобусу, а Данилов смотрел ее в след и сидел, как истукан, переваривая услышанное. Девушка была в него влюблена, и это вселяло надежду. Семья у Данилова была, да только ладу в ней не было. Он женился через год после окончания института. Через год родилась дочь Женька. Это была единственная отрада. Жену, вернее невесту, ему нашла мать, уставшая от бесконечных романов сына. Раиса Николаевна нашла приличную партию сыну. Девушка была симпатичная и обеспеченная, что явилось основным мотивом. Семья самих Даниловых вовсе не бедствовала, но слияние капиталов семей всегда перспективно. Бесперспективной была профессия самого Алексея. Он был врачом и совсем не имел представления о «финансовых потоках». Уже через год, он осознал, что сделал большую глупость, женившись на Руслане. Да, она была хороша в постели, с ней не стыдно было появляться на приемах, пока она не открывала рта. Бог, наделив ее внешностью, посчитал, что этого вполне достаточно в сумме с деньгами ее папы. Все, что ее интересовало, можно пересчитать по пальцам одной руки: отдых за границей, клубы, бары, шопинг, секс. Дочь она не кормила, сразу передав ее после рождения няне. Жили в трехкомнатной квартире, купленной родителями в долях. Через день приходила повар, она же горничная, занималась готовкой, стиркой и уборкой. Данилов жил на всем готовом, но это его и раздражало. Жена не хотела даже разогреть ужин, говоря: – «Котик, сделай это сам». Одним словом, за комфорт и уют, за полезные и вкусные обеды, оплаченные тестем, он расплачивался натурой с Русланой. Речи о чувствах не было, а когда дочери исполнилось два года, отношения с женой совсем испортились. Они жили, как два соседа в коммунальной квартире, которые не ссорились, но которым не было дела друг для

друга. Именно в это время Алексей и встретил Викторию. Их роман развивался постепенно. Алексей не давил на Викторию, а она все тянула с конфетно-букетным периодом, который ограничивался походом в кино, парком, кафе с мороженым и провожением ее до общежития. Данилов ни разу не догадался подарить ей цветы, а вместо конфет, приносил ей шоколад тогда, когда совпадали их дежурства. Влюбленная Виктория и не требовала от него большего, ее все устраивало. Сдав последний экзамен за третий курс, Вика согласилась на романтический ужин в ресторане, а ночь они провели в съемной квартире. Алексей окончательно потерял голову от неискушенной Вики. Откуда ему было знать, что партнером у нее был одноклассник, который настоящего секса и не видел, да насильник, который доставил одни проблемы. С каждым днем она нравилась ему все больше может еще и потому, что уличив жену в измене, его не терзали муки совести, и он отдался целиком своим чувствам. Трудно скрыть то, что написано у тебя на лбу крупными буквами. Мать Алексея заметила разительные перемены в сыне и решила на откровенный разговор с ним. Сын не стал вводить мать в заблуждение и признался, что увлечен девушкой, причем взаимно. Что с Русланой стоит развестись, но при этом попытаться оставить Женю с отцом. Мать «вычислила» любовное гнездышко и явилась на старую родительскую дачу рано утром в субботу без звонка, когда не было еще и семи часов.

– Ну и где твоя неземная любовь? – спросила она сына, проходя в комнату и ожидая увидеть девицу спящей.

– Если вы меня имеете в виду, то я на кухне готовлю завтрак. Доброе утро! – показала Вика из кухни.

– Чем ты кормишь моего сына после трудовой ночи? А утро не для всех доброе.

– Утро не может быть недобрым, хотя бы потому, что несет новый день. Если Вы намерены меня воспитывать, оскорбить или унижить – начинайте. У меня против них стойкий иммунитет, и на качество завтрака это не повлияет. К тому же я ограничена во времени, а мне хотелось бы о себе узнать что-то новое, – говорила Вика, не бросая своего занятия и продолжая делать горячие бутерброды. – Вы будете завтракать?

– Спасибо, я сыта. Ответь мне на один вопрос: откуда ты такая взялась? – спросила мать Данилова, глядя на Вику в упор. – Кто ты такая, вообще?

– Одним словом на этот вопрос ответить сложно. Чтобы Вас не нагружать лишней информацией скажу так: по линии мамы – я деревня деревней, а вот по линии отца – интеллигентка в пятом или шестом поколении, внучка профессора и дочь американского гражданина. Моя бабушка Карпова Софья Павловна, кандидат наук, живет в нашем славном городе. Я студентка четвертого курса медуниверситета. После занятий подрабатываю медсестрой в больнице с Вашим сыном. Это коротко.

– Ты забыла добавить: хищница, разлучница, авантюристка.

– Я Вас в чем-то обманула? Украла то, что плохо лежало? У Вашего сына растут такие роскошные рога, что вам пора невестку воспитывать, а не меня. – Леша, завтрак готов. Сделай одолжение, съешь хотя бы парочку. Обед в пакете, определи его в холодильник. – Вы меня извините, Раиса Николаевна, Ваш сын уже взрослый мальчишки может принимать решения сам. Если он решит, что ошибся в выборе, я не стану его преследовать и отпущу с миром, а пока он не принял такого решения, я буду любить его как прежде. – Удачного дня, дорогой! – сказала она, поцеловав его в щеку, и направилась в спальню.

– Куда она? Я еще не договорила, – в сердцах сказала мать.

– У Вики суточное дежурство, а на работу мы добираемся врозь. Ты зачем приехала? Решила устроить скандал? С Викой этот номер не пройдет. Она слишком умна, чтобы отвечать глупостью на глупость. Ты разве не поняла, какое сокровище я нашел? Заметь, я ей ничего не обещаю, мы просто наслаждаемся жизнью.

– Какая бы она хорошая не была, у тебя нет с ней перспектив. Тебе нужно держаться семьи. Ты лишишься всех денег.

– Мам, какой семьи? От нее давно остались одни развалины. Вике ваши деньги не нужны. Наше убежище похоже на номер «Люкс»? Ты видела, на чем она готовит и что? Ты попробуй завтрак, а потом поговорим о финансах. Видя, что я к ней не ровно дышу, она могла потребовать съемную квартиру?

– Я бы так и поступила, – сказала мать, жуя бутерброд.

– Ты мам ни она. Она едет на дачу с двумя пересадками и не жалуется на неудобства. Я ее два месяца добивался, третий месяц живем вместе, а я часы считаю до встречи с ней. Она настоящая, искренняя. У меня таких бескорыстных еще не было. Ну, нет за ней больших денег, вместо них большая душа.

– У нас их тоже не будет, если ты разведешься с Русланой. В выходной вы будете здесь?

– Нет. Я буду с Женей дома, а Вика поедет к деду в деревню. Это ее еженедельные поездки и она не собирается их отменять даже ради меня. Деду 63 года и он там совсем один.

– Чем же она добирается? – спросила мать, у которой созрел план встречи с Викторией.

– Автобусом с автовокзала, а ведь могла и меня заставить.

Утром в восемь часов Раиса Николаевна караулила Викторию у входа в больницу. Девушку она узнала сразу, как только та открыла дверь.

– Вика, можно тебя на минутку. Садись я тебя довезу до автостанции. Мы вчера так и не договорили, – попросила мать Данилова.

– Здравствуйте. Будете ругать или воспитывать? – сев в машину, спросила она. – Я выслушаю Вас молча. Не спорить, не оправдываться, не обещать то, чего не сделаю, я не буду.

– Нарисую тебе перспективу, а ты сама решишь: что делать и как поступить?

– Хорошо, говорите. Я так понимаю, Алеша не знает о Вашем визите?

– Не знает. Его жена беременная вторым ребенком и намерена рожать. Пока ребенок не родиться и не сделают тест ДНК, о разводе можно не заикаться. Я сейчас пекусь не столько о сыне, сколько о семье вообще. Пройдет не меньше года, а в это время у него запланирована стажировка за границей, – говорила она, внимательно следя за дорогой.

– Вы не уверены в том, что это ребенок Алексея?

– Я уже не в чем не уверена, кроме того, что из Русланы мать никакая. Если это способ удержать Алексея, то очень глупый. А, если это ребенок все же его? Выходит, он спит и с тобой, и с женой, а значит, между ними не все так плохо. Как тебе такое положение дел? Изменой это назвать нельзя, они все же женаты, но и бедной овечкой он не является. Значит, он тебе чего-то не договаривает.

– Вы хотите сказать мне, чтобы я оставила Алексея в покое? В этом случае в его жизни ничего не поменяется, он сможет уехать с семьей на стажировку. Я правильно вас поняла? Тогда ответьте мне: чего стоит эта призрачная перспектива? Вы готовы навязать сыну чужого ребенка ради его роста, карьеры? Я этого не понимаю.

– Тебе и не надо ничего понимать, девочка. Я тебе обрисовала возможную ситуацию. Дай ему самому сделать выбор: беременная Руслана со специализацией за рубежом или ты, со своим дедом и незаконченным образованием. Я прошу тебя только об одном: не дави на него.

– Вы знаете, сегодняшняя ночь многое изменила. Даже не случись между мной и Вами этого разговора, я уже прекратила все отношения с Вашим сыном. С таким цинизмом я встречаюсь в первый раз. Мы расстались с ним утром, не прошли и сутки, а он занимается сексом прямо на рабочем месте во время дежурства с другой. Видимо, для него это нормально, а вот для меня это начало конца. Я рассталась с Вашим сыном. Вам не о чем беспокоиться. Извините. Я пойду. Прощайте.

Виктория вышла из машины и неторопливо пошла к автобусу, а Раисе Николаевне вдруг стало жаль эту молодую особу, которая, скорее всего, впервые столкнулась с мужским предательством и разочарованием. Вика, заняв место в салоне автобуса, прижалась виском к стеклу

окна, прикрыла глаза, но вместо сна в дороге, еще раз пережила неприятные минуты прошедшей ночи.

Часы показывали полночь, когда она набрала номер телефона сокурсницы, работающей в отделении хирургии.

– Свет, не забудь забрать реферат на посту. Я утром могу тебя не увидеть. Сразу после смены поеду к деду.

– Вика, я освобожусь и забегу. А лучше ты через полчаса зайди, я тебе сразу и деньги отдам.

Вика через сорок минут подошла на соседний пост.

– Саш, послушай, пожалуйста, моих. Я в хирургию на пять минут и назад, – попросила она и вышла из отделения.

На посту Светланы не оказалось. Кабинет ординаторской был закрыт. В отделении была тишина. Вика прислушалась и услышала ни то вздох, ни то стон. Это была больница, здесь возможно такое. Она прошла дальше, где располагалась комната отдыха, дверь была чуть приоткрыта и звуки шли оттуда. Она приоткрыла дверь чуть шире, и ее ноги словно приросли к полу. На столе, согнув ноги в коленях, на спине лежала Света, именно она издавала «охи», а Данилов, прикрыв глаза, ритмично двигался. Вике показалось, что она даже покраснела от того, что увидела. Рывком, закрыв дверь, она, почти бегом, вернулась на пост Светланы, бросив реферат на стол, и очнулась в своем отделении. Присев за свой стол, она обхватила голову руками: «Черт меня понес именно в это время. Ни раньше, ни позже, а в самый момент, – думала она, дрожа от нервного напряжения. – А может, все к лучшему? Оказывается Данилов та еще птица, которую в народе называют д.....б». Прошли минут десять. Ее мысли прервала Светлана.

– Не делай трагедии из того, что видела, – говорила она, положив на стол купюру. – Спасибо за помощь. Скажи: что сверхъестественного произошло? Ну, трахнул меня Данилов, так я сама этого хотела, обхаживая его целый месяц. Вика, там такой агрегат! Давно я не получала такого удовольствия. – Она даже не заметила, что подруга чем-то расстроена, обняла Вика за плечи. – Это было необыкновенно. Теперь я понимаю всех баб, которые от него без ума.

– И рассмотрела, и удовольствие получила, молодец. Давно это у вас? – не глядя на Светлану, спросила Вика. – Вы бы двери закрывали. Может, ты специально меня пригласила на сеанс порнофильма?

– В первый раз. Он мне виделся таким непроступным, а оказался вполне предсказуемым. Какие двери, когда в голове одна мысль: еще! А о твоём приходе я вообще забыла. Ты же знаешь, я всегда добиваюсь своего. Я очень настойчивая.

– Ты не настойчивая, ты ненасытная. Извини, что помешала. У тебя до утра еще есть время.

– Сегодня сеанса уже не будет. Он, кажется, расстроился, что попался, а мне плевать. Я его от жены не увожу, а сексом с ним буду заниматься все дежурства. Ты же нас не выдашь?

– Светка, мне глубоко плевать на то, кто с кем, когда и сколько. Иди уже, работай, сексомба. «Как бы она со мной разговаривала, знай о наших отношениях? А, если знает, зачем этот цирк? Нет, мы наши отношения не афишировали. Мы не появлялись с ним вдвоем нигде. Это я приняла такое решение, а он не возражал, – думала она. – Данилов мне ничего не обещал, и обвинить мне его не в чем. Да, мечтали, но это ведь не вредно». Кроме грусти, другого чувства не было. До утра смена тянулась нескончаемо долго.

Дедушка встречал ее всегда с радостью. Он за два года научился жить сам. В свои шестьдесят два, выглядел молодцом, и большую часть времени проводил в лесу. Только с наступле-

нием холодов возвращался в дом в поселке или в выходные, когда ждал Вику. Он знал, когда приходит автобус и ждал внучку у калитки. Увидав деда, Вика помахала ему рукой.

– Как дела у студентки отличницы? – спросил он, открыв калитку и обняв внучку.

– Все хорошо, дедуля. Я к тебе на два дня, не прогонишь?

– Раз на два дня, значит, что-то случилось. Будешь душевные раны лечить? – спросил он, забирая у нее сумку и обнимая за плечи. – Пойдем, за завтраком все мне и расскажешь.

– Да, говорить особенно, дедуля, не о чем. Казалось, встретила большую любовь, а она возьми, да и пройди мимо, даже не остановилась. Чего о ней говорить? Грустно, не спорю, но это не повод раскисать. Говори, чем займемся? Чем тебе помочь? Но для начала разбери сумку, чтобы сам знал, чего у нас не хватает. Мои вещи в пакете, а все остальное твое, – моя руки под умывальником, говорила Вика.

– Ты для начала себе помоги, а уж потом поговорим обо мне. Ты у бабки была?

– Не могу, дедуль. Как ты себе это представляешь? Я два года учусь. Она женщина умная, инициативная, нашла бы меня сразу, если захотела. Неужели ты думаешь, что Павел Игнатьевич ей не сказал обо мне? Приду я к ней и что скажу? Не могу, извини. Не нужна я ей.

– Не заводись! Не хочешь – не ходи. Я так, к слову спросил.

– Ты знаешь, я на неделе на вещевой рынок собралась. Мне обувь нужно купить. Ты подумай, может, что тебе нужно. Ты не стесняйся, у меня скоро зарплата.

– Давай позавтракаем, да в лес прогуляемся. Разговор у меня к тебе есть. Я не знаю, как ты к этому отнесешься, но я должен тебе кое-что рассказать и показать. Согласна? Обед у меня готов, а на ужин картошки нажарим. Идет?

Плотно позавтракав, дед с внучкой надели походную одежду, сапоги и, вместе с овчаркой по кличке Михась, пошли в сторону леса.

– Как здесь хорошо. Тихо, спокойно и дышится легко.

– Викуся, ты прости меня внучка, что заставляю тебя вновь вспомнить пережитое, но разговор пойдет именно об этом. Твой обидчик не просто приезжал навестить твою мать и Василия. Не простые были у них в городе дела, от того и приехали они в поселок пересидеть какое-то время. Сторожили они здесь вдвоем ворованное, да награбленное, а подонок этот и приезжал за ним. Когда ты в лес убежала, ни Катя, ни Василий уже не дышали. В Василии пуля была, а Катюшке он голову пистолетом пробил, они уже остывали. Я парня к печке подтащил, чтобы посадить дальше от пистолета. На голове у него рана была от моего удара и немного крови. Очнулся, просил скорую вызвать, не хотел помирать. Руку ты ему перевязала? Болезнь у него какая-то, что кровью может истечь. Я пообещал, он мне денег сулил больших. Парня приложил об печь головой. Открыл сумку, а там чего только нет. Золотые побрякушки и деньги пачками. Намотал я на свою руку полотенце, достал половину знакомых мне денег, сунул их в пакет. Табуреты опрокинул, а тут Маша на пороге падает без чувств. Я про все на свете и деньги забыл. Пошел за участковым, оставив все, как есть. Не до чего мне не было тогда дела. Остальное ты знаешь. Ты уже в город уехала, когда я на них наткнулся. Я, оказывается, их под стреху засунул и забыл. Из этих денег я Маше и Кате памятник поставил, а Василию крест. Деньги в лесу. Хозяев побрякушек может, и найдут, а вот иностранным деньгам, могли еще у нас ноги приделать. То, что я взял, моральная компенсация за тебя, за мать, за бабушку. Не суди меня строго. Я от пенсии до пенсии проживу, а вот ты себя со своей работой и учебой загонишь. Это не дело месяц горбатится на сапоги, второй, на джинсы, третий на кофту, и опять по кругу. Купи все сразу. Пусть это будут не меха, но теплые и удобные вещи. У тебя четвертый курс, ты у меня уже взрослая девушка. Осуждаешь?

– Не думай об этом, дедуля, – она обняла старика. – Деньги я обязательно возьму и куплю все новое. Ты думаешь, их уже не хватит?

– Они полгода таскались из города. Весь дом перевернули и перерыли. Не знаю, чего еще искали. Все мне в вину ставили то, что не поторопился фельдшера вызвать быстрее. Их только это и волновало. Не должен он был выжить после того, что сотворил.

– Успокойся, дорогой мой дедуля. Давай забудем об этой истории, как о кошмарном сне. Я знаю, родной, это очень трудно, но возможно. Время лечит.

– Ты, Викуся, открой счет в банке и положи деньги туда. Пусть они всегда будут под рукой. Не в общежитии же их держать.

– Деда, а как я объясню их происхождение, если кто спросит?

– А я дом продал, где Катерина жила. Дом покупателю и не нужен, а вот участок понравился. Есть договор на тридцать пять тысяч. Вот тебе и оправдание. Сотню положишь в два разных банка, вторую поделишь и оставишь часть дома, часть заберешь на покупки. Умирать я не собираюсь, похороны откладываются. Идем домой. Завтра наваришь мне борща на неделю, – говорил он, беря внучку за руку, как в детстве.

Виктория уехала в понедельник в пятнадцать десять, а в шестнадцать тридцать уже оформляла вклад в одном из банков города, чуть позже в другом. Она очень волновалась. Во-первых, потому, что впервые держала в руках такую сумму. Во-вторых, она до конца не была уверена, что деньги настоящие. Оба договора она сложила в свою сумку. Перекусив по дороге, вернулась в общежитие и легла спать. Сон в эту осеннюю ночь был крепким и без видений. Об Алексее она старалась не думать, хотя удавалось это с трудом. Вспоминались только приятные моменты, и от этого было грустно. Внутренний будильник сработал в шесть утра. Она себя чувствовала отдохнувшей и бодрой, а предстоящая поездка на рынок, делала настроение приподнятым. «Прогулка» по вещевому рынку закончилась для нее очень удачно. Она купила все что хотела и даже больше. Теперь ее гардероб пополнился и осенними верхними вещами и зимними. Полупальто в коричнево-бежевую клетку с капюшоном, отлично сочеталось с белой вязаной шапкой и шарфом, утепленными джинсами и высокими теплыми белыми кроссовками. Легкий пуховик цвета темного шоколада средней длины под пояс и теплые ботинки в тон. На обратном пути, Вика зашла в салон связи и купила телефон для деда. «Он будет первое время недоволен, а потом смирится», – думала она, оплачивая покупку. Она успела разобрать покупки до того, как соседка по комнате пришла с занятий.

– Вика, ты банк ограбила?

– Нет, дедушку, – отвечала она, улыбаясь.

– Сколько же ты потратила?

– Цены знаешь, можешь сложить в уме.

– Я не вижу ни одной кофты.

– А я их и не покупала. Под халатом не видать, получу зарплату, куплю кофту, – ответила она, совсем забыв об этой части своего гардероба. Ее в первую очередь волновала верхняя одежда.

– Слушай, Вика, ты не хочешь еще подработать?

– Оль, ты сейчас решила поиздеваться надо мной таким вопросом? Я три ночи из шести-семи сплю нормально.

– Работа днем. Три-четыре часа. Пожилым прописывают амбулаторно уколы. В поликлинику им ходить с больной спиной или ногами, с давлением тяжело, поэтому те, кто может заплатить, ищут таких, как мы.

– И много таких платежеспособных?

– Зря смеешься. Больному легче заплатить за лечение, не выходя из дома, а не заказывать такси или ждать очереди в поликлинике. Заметь, наши услуги гораздо дешевле тех, которые оказывают платно в поликлинике. Внутримышечная инъекция – семьдесят рублей, внутривенная – сто-сто двадцать. Зависит от вен пациента. Все лекарства, шприцы и спирт их, наши перчатки и бахилы. Пойдем, у тебя же такой опыт.

– Давай попробуем, но с одним условием: пациенты должны жить в одном районе, или хотя бы в соседнем. Мы на одной дороге времени потеряем больше, чем на процедурах.

– Будем меняться, и подбирать адреса по районам.

– Куда я буду складывать деньги? – улыбнулась Вика.

– Ты умница подсчитай: пять пациентов, пять дней в неделю и пусть по одному уколу в мышцу и вену. Как думаешь, какая сумма выходит? Больше четырех тысяч. Минус транспорт. Это за четыре часа работы. Ты за свои сто сорок часов и более получаешь шесть-семь. При этом не досыпаешь. Есть разница? Конечно, есть и в этой работе свои подводные камни. Характер пожилых людей не сахар, особенно у одиноких, приходится подстраиваться.

– Оль, твоя подработка не стабильная. Сегодня, может быть, пять пациентов, а завтра ни одного. Но я рискну попробовать. Давай с понедельника и начнем. Мне на смену пора.

У входа в отделение ее ждал Данилов.

– Привет! – глядя на нее виновато, сказал он.

– Здравствуйте, Алексей Михайлович. У Вас ко мне дело? Времени до смены остается мало. Говорите, что хотели и я пойду.

– Вика, я виноват. Прости меня, пожалуйста.

– Я Вас ни в чем и не обвиняю. Вы мне не давали обед верности, да я и не просила об этом. Мне не понятно только одно: это Ваша сексуальная неудовлетворенность или распущенность? Мне очень неприятно, что все закончилось, таким образом, но я сама виновата в том, что позволила себе связь с мужчиной, который женат и ждет второго ребенка. Да, я знаю и об этом. Я убедила себя в том, что Вы действительно одиноки, поверила Вам и доверилась. Я не строила иллюзий, я просто жила с Вами и для Вас. И что получила в итоге? Это, как плевок в лицо. Вы примите к сведению то, что у Светланы мужчины делятся на две категории: те, которые могут удовлетворить ее, и те, которых удовлетворяет она, но по таксе. По ее отзыву о Вас, Вы попадаете под первую категорию, но выбор теперь будет делать она: когда, где и сколько. Прощайте, доктор Данилов.

– Ты не пожалеешь о своем решении? Ты пока никто, Вика. Ты ничего собой не представляешь. Смазливая студентка, каких много.

– Пожалее? О чем? О том, что не Вы меня содержали, а я Вас? Может, Вы мне делали подарки, водили по дорогим ресторанам? Решили, что Вы для меня благодетель? Не думаю, что у Вас будут ко мне претензии. Смазливая студентка досталась Вам даром. Вы сами говорили, что я очень сильная и упрямая. Когда-нибудь и я стану доктором. Возможно, смогу забыть то, что видела, а теперь и слышала, – сказала она и вошла в отделение. «Грустно осознавать свои ошибки, – думала она, переодеваясь и глядя на себя в зеркало. – Влюбляйтесь, Виктория Андреевна, в холостых мужчин. Любите, кого хотите вне стен больницы».

Через неделю Вика приступила к работе процедурной сестры. В квартире, где больной находился ни один, было проще. Сделал уколы, получил деньги и ушел. А вот там, где пожилой человек проживал один, приходилось набираться терпения. Дефицит общения делал человека разговорчивым и любопытным. С такими нужно было идти на хитрость. «Я приду к Вам завтра, в самом конце и вы мне обо всем расскажите», – обещала она пожилому человеку. Обещание она обычно сдерживала. При подобных обстоятельствах она побывала в квартире своей бабушки Софьи Павловны. «Это судьба, – подумала она, читая список и адреса. – Дом, милый дом! Здесь я прожила почти до десяти лет». Звонок в квартиру, она представилась и поднялась на этаж. Она с волнением ждала этой встречи и была довольна тем, что бабушка ее не узнала. С их последней встречи прошло двенадцать лет. Год назад она видела ее и отца на похоронах деда, но не подошла. Сделав свою работу, Вика получила деньги и попрощалась. Софья Павловна, которой исполнилось шестьдесят четыре, уже к вечеру знала о медсестре все. В следующий приход Вики, она решила с ней заговорить.

– Почему ты меня обманула и не сказала всей правды? – строго спросила она.

– В чем я Вас обманула и зачем Вам моя правда? Я Вас как медсестра устраиваю? Прилягте, я должна работать, – ответила Вика, волнуясь.

– Ты думаешь, я не раскаиваюсь в том, что отказалась от тебя? – устраиваясь на диване, спросила Карпова.

– Я не думаю, я знаю. Что Вам мешало возобновить общение два года назад? Вы ведь знали о том, что я общалась с бабушкой? Я и на похоронах была. Видела и Вас, и отца. Только сделала вывод: что не нужна я ни Вам, ни ему. Это ни я Вас забыла, это вы меня вычеркнули из своей жизни. Я многое помню и не понимаю: почему нельзя было просто оставаться хорошими знакомыми, если не друзьями? Я помню наши занятия в бассейне и катке. Вы же гордились мной. Бабушка мне всегда говорит: – «Вика, не живи прошлым, прощай обиды и расставайся с теми, кто тебе лжет. Солгав однажды, солгут и вновь».

– Ты часто с ним видишься?

– В один из выходных в неделю у меня нет смен, и я еду к нему.

– Как же ты выдержишь такие нагрузки?

– У меня нет выбора. Отдыхайте. Дверь я захлопну. До завтра.

На следующий день Виктория звонила в дверь бабушки без всякого волнения. Она сама предоставила право выбора бабушке: поддерживать с ней отношения или оставаться на прежней позиции.

– Добрый день, – снимая верхнюю одежду и надевая бахилы, говорила она. – Как себя чувствуете? Что с настроением? – вытирая руки, спрашивала она. – Не хотите разговаривать, я не настаиваю, можно и помолчать. – Она готовила уколы, и обе молчали. – Софья Павловна, если вам неприятно меня видеть, я найду себе замену, – говорила она, делая инъекцию. – Я оставлю Вам номер телефона, захотите, позвоните. Но завтра, я приеду рано, а часов в десять, мы поедем с вами навестить Павла Игнатьевича. Согласны?

– Я буду ждать, – ответила Карпова, едва сдерживая слезы.

Вика купила цветы, приехала к дому Софьи Павловны и вызвала такси. Вдвоем они посетили кладбище. Убрав опавшую листву с деревьев и вытерев недавно поставленный памятник, они возложили цветы. Оставив бабушку одну, Вика отнесла мусор в ближайший контейнер. «Бабушка, у нас все хорошо. Живем дружно. Ты не беспокойся, все наладится».

– Спасибо, Вика. Ты на обед останешься?

– Нет. Я сумела отпроситься на четыре часа. У меня суточная смена сегодня. Я приеду в понедельник. Завтра я должна ехать к бабушке в поселок.

– Тогда до понедельника. До свидания, – сказала Софья Павловна, выходя из такси. – А ты зачем выходишь?

– Я на маршрутке доберусь, так дешевле. Всего доброго.

«Старая, упрямая, безголовая ослица, – ругала себя Софья Павловна. – Живешь, как у Христа за пазухой, а за такси, за цветы внучка платит. Разве это не самодурство? Знаешь, что девчонке деньги не с неба сыпятся. Сын в жене души не чаял, а меня ревность душила. Катерину во всем обвиняла, а она меня семь лет терпела. Это же я к их разводу руку приложила, и чего я добилась? Сын за океаном, сноха в могиле, а внучка рядом, но далеко. Почему я не согласилась с Пашей и не позвала ее в дом? Почему я, глупая старуха, оттолкнула девочку тогда, когда была ей нужна? Это не Катерина виновата во всем, а я. Это моя ревность разрушила жизнь сына и Вики. А чтобы было не так больно за свою подлость, я и искала виноватых. Я даже себя сумела убедить в этом. Мне скоро шестьдесят пять лет. Для кого и чего я живу? Надо налаживать отношения с Викой. Это нужно ни ей, это, скорее, нужно мне.»

Глава 4

Новый 2003 год Виктория встретила на дежурстве. Ночь прошла довольно спокойно, и ей даже удалось вздремнуть. Погода была поистине новогодней: легкий морозец, деревья в инее, яркое не по-зимнему солнце. Следующее дежурство у нее было пятого, и она на три дня уехала в поселок. Теперь гуляя с дедом по зимнему лесу, она ждала от него совета на свою новость.

– Дедуля, Софья Павловна предлагает мне переехать к ней и жить в нашей бывшей комнате. Я не знаю, из каких своих старых сундуков она достала мои игрушки, но я их узнала. Мои куклы, мои книжки, мой любимый медведь, о котором я так долго тосковала.

Если они все это время были на виду, почему мне их не привез отец, ведь я его просила об этом? Как думаешь, мне рискнуть?

– Викуля, в квартире, конечно, лучше, чем в общежитии. Тебе еще больше двух лет учиться. Софья может тебе в чем-то помочь. Только ты, внучка, от общежития не отказывайся. Деньги за него ты платишь небольшие, а место сохранишь за собой. Вдруг не уживешься с родной бабушкой, так будет куда съехать. Как она к тебе относится?

– Если честно, дед, то я ее немного побаиваюсь. Ее беседы со мной похожи на экзамен по педиатрии. Я у нее за месяц была в гостях трижды. Мне с одной стороны интересно, с другой – боязно. Не знаешь, что от нее ожидать: ни то похвалы, ни то порицания, – говорила Виктория, держа деда под руку. – А вот соседке все уши прожужжала, какая я хорошая. Соседка ее подруга, года на три постарше, своего внука мне сватает. Правда, я его видела, когда ему лет четырнадцать было.

– Может это и неплохо. Ты сама говоришь, что живешь в бабьем царстве. Знакомься, встречайся, общайся с ребятами. У тебя возраст такой. Двадцать второй год идет. Ты только меня не забывай за кавалерами, позванивай, чтобы я не волновался. Мне-то уже шестьдесят третий, Софье твоей шестьдесят пятый годок. Ты не забывай об этом.

– Михаил Иванович, я звоню вам каждый вечер, пожелать спокойной ночи. Чем Вы недовольны? – смеясь, спрашивала она, заглядывая ему в глаза. – Признавайся!

– Милая моя, я Бога благодарю за то, что ты у меня есть, – обнимая внучку, говорил дед.

После зимней сессии Вика переехала в квартиру бабушки. В комнату, когда-то уже ею обжитую. Девушка понимала и давала себе отчет в том, что спокойно смогла бы прожить в общежитии, но ей было жаль пожилую женщину, и не просто женщину, а ее бабушку. В апреле Вика познакомилась с тремя поколениями семьи Грачевых. Грачеву Геннадию Ильичу исполнилось семьдесят. Старшее поколение и было соседями бабушки, среднее, в лице сына и снохи, жило за городом, а младшее, внук Виктор, двадцати семи лет от роду, жил в отдельной квартире, работал в фирме отца и не был женат. Именно с этого времени, Виктор начал ухаживать за Викторией, оканчивающей четвертый курс. Выслушав мнение своей бабушки, по поводу кандидатуры Виктории в жены, внук согласился с ее доводами. Вика была симпатичной, молодой, умной и порядочной девушкой. Единственное, что не входило в ее планы, было замужество. В июне Софье Павловне Карповой исполнилось шестьдесят пять лет, и теперь уже соседи собрались в квартире Карповых. Сюрпризом для матери стал прилет сына из-за океана, а Викторией удалось пообщаться с отцом. Через день после того, как летняя сессия была сдана, между Виктором и Викторией состоялся разговор.

– Вика, давай попробуем жить вместе. Чего прятаться, если нас тянет друг к другу. Это тебе двадцать два скоро, а мне двадцать семь уже, – говорил он, глядя на нее в упор.

– Вить, какая из меня подруга, если я полдня пропадаю в университете и три раза в неделю не ночую дома? – оправдывалась она.

Прошло больше девяти месяцев, как отношения между Викой и Даниловым закончились. Виктор нравился ей. Внешне он чем-то напоминал Данилова, разве что был чуть уже в

кости, да выглядел интеллигентнее. В нем чувствовалась «порода» не только во внешности, но и в воспитании. В свои двадцать семь лет, шатен с темными глазами, был человеком коммуникабельным, умным, симпатичным, разносторонне грамотным, высоким, не бедным и не лишенным чувства юмора. Мечта не только провинциальной, но и обеспеченной городской девушки. Ее настораживало только то, что общество, в котором обращалась семья Виктора и он сам, было для нее «чужим». А вот Софья Павловна, ее бабушка, чувствовала себя в этом обществе, как рыба в воде.

– Попробуй рискнуть, Вика. Увольняйся с работы и занимайся только учебой. Я буду регулярно тебе перечислять зарплату, а ты не будешь оставлять меня без ужина и на ночь. Поживем год, и ты сама решишь, как быть дальше. Я, Вика, прекрасно понимаю, что большой неземной любви между нами нет, но что-то, же есть, раз нам хорошо вдвоем, и тянет друг к другу. Пусть это будет некая влюбленностью. Будешь моей королевой?

– Ты берешь меня на содержание или на роль домработницы с выплатой ежемесячной зарплаты? – немного обижено, спросила она.

– Глупости не говори. Содержанку содержат тайно и, как правило, женатые мужчины. Я холост и буду обеспечивать тебя, как свою невесту. Мы будем жить здесь, в квартире. Познакомлюсь с твоим дедом и все ему объясню. Ты с моими родителями знакома. Возможно, дело до свадьбы и не дойдет, но это зависит уже от нас обоих. Я не хочу расставаться с тобой ни на минуту, появляться с тобой всегда и везде, но при этом не хочу, чтобы ты сожалела о том, что лишилась, пусть небольшого, но стабильного заработка. Аванс ты можешь получить на следующий день после увольнения. Это не значит, что ты должна тратить эти деньги на дом или хозяйство. Здесь другая статья расходов. Я тебя не покупаю, Вика, а просто хочу сделать твою жизнь не такой суматошной. Да, с моей стороны есть корыстный мотив: у тебя появится больше времени на меня. Что или кто тебя напрягает в данной ситуации? Ты будешь только студенткой.

– Я поговорю с бабушкой, попробую ей объяснить, что я ее не бросаю. Ты пару дней сможешь подождать с моим переездом?

– Значит, ты согласна? Я даю тебе один день на бабушку и один день на твое увольнение, – говорил он, целуя ее. – Пока у тебя каникулы, проходи практику и увольняйся. Я рад, что ты меня правильно поняла.

В этот же вечер Вика поговорила с бабушкой. Так уж вышло, что их натянутые отношения давно остались в прошлом. Бабушка признала свою вину еще до переезда Вики. Теперь они жили, как две родственные души. Софья Павловна даже наведалась вместе с Викой в Лебяжий, чему Михаил Иванович был удивлен. Выслушав внуку, Софья Павловна спокойно сказала:

– Ты думаешь, я начну тебя сейчас осуждать за то, что ты будешь спать с ним, живя в одной квартире? Вы и так, наверняка, уже спите. Сейчас каждая вторая пара так живет. Девочка моя, глупо было даже думать, что у вас платоническая любовь. Нравится он тебе – живи, не обращай ни на кого внимания, чтобы люди не говорили или думали. Это твоя жизнь. Виктор, если и не сделает тебя счастливой, то сделает свободной от твоих дежурств. Обещай мне только одно: забегать ко мне в гости через день, а в выходной навещать деда. Пусть это будет твоей маленькой прихотью, и пусть он попробует тебе в этом отказать.

Виктор принял «маленькие» условия Вики, и они стали жить вместе, но постепенно условия для Виктора становилось больше. Так, Виктория отказалась от услуг приходящей «помощницы по хозяйству».

– Готовлю я не хуже твоей Галины, и если ты соизволишь мне рассказать, что ты предпочитаешь в еде, я справлюсь и без нее. А, если не станешь раскидывать свои вещи по всей квартире, я буду и убирать и стирать самостоятельно. Видишь ли, я не хочу, чтобы мои вещи проходили примерку в мое отсутствие, чтобы мне, не дай Бог, плевали в тарелку из-за ревности. Она ведет себя так, как будто я заняла обещанное ей место. Мне это неприятно.

– Хорошо. Пусть Галины не будет. Я готов перейти на твои ужины, а свои вещи, обещаю, бросать только в спальне. Я узнал кое-что о характере Виктории, прочитав значение имени, – говорил перед сном Виктор. – То, что ты по жизни победительница, я уже понял. Но, оказывается, даже выйдя замуж, ты долго будешь сомневаться в правильности этого шага. Твой партнер должен быть чутким и внимательным мужчиной, а ты подаришь ему доверие и искреннюю любовь. Будешь для меня заботливой женой и хорошей хозяйкой, – обнимая ее, говорил он.

– Вить, ты не до конца прочел текст. Там есть еще одна очень важная строка: «Она никогда не простит своему супругу обмана или неверности». Вот теперь, кажется, все.

– Все только начинается...

С родителями Виктора Вика виделась не часто. Они были знакомы раньше по-соседски. Впервые, они встретились в квартире Виктора в день его рождения. Это был понедельник, и Виктория поднялась раньше, чтобы успеть приготовить ему праздничный завтрак. Она уже усвоила, какие блюда ему по душе, что он больше предпочитает, и что он больше всего любит. К семи утра завтрак был готов, по кухне разнесся запах молотого и сваренного кофе, а на пороге квартиры стояли родители Виктора, приехавшие поздравить сына с днем рождения.

– Я понимаю, что любопытство не порок, но зачем, же так рано явились? – спрашивал он родителей. – Теперь я вынужден свой завтрак разделить с вами. Проходите, татары, буду делиться.

– Праздник перенесешь на выходной? – спросил отец, проходя в кухню и здороваясь с Викой.

– В субботу у нас другой виновник торжества и другие планы, – ответил Виктор, обнимая Вику и глядя на свою мать. – Десятого июля день рождения Вики, и мы поедem к ее деду. Давайте к столу. Вика готовит не хуже вашей Оксаны. Попробуйте, оцените и скажите: я не промахнусь, женившись на ней?

Они постепенно привыкали к обществу друг друга, которое их устраивало. Первое время Вика не знала чем заняться в свободное от брошенной работы время. Возвращаясь от бабушки, которую она навещала через день, заходила в магазин и готовила ужин. Стирка была раз в неделю, а убирать было не за кем. Все вещи лежали на своих местах, а мусорить было не кому. Вике нравилось отношение Виктора к ней. Очень скоро она поняла, его внимание к ней связано не только с сексом. Как правило, он возвращался с работы не позже девятнадцати и всегда с цветами. Это были три розы или хризантемы, герберы или лилии. Принесенные цветы в вазе, она ставила на стол, накрытый к ужину. На следующий день цветы меняли место прописки, перекочевывая в гостиную. Он не уходил на работу без жаркого поцелуя, а после ужина, они могли гулять или беседовать, сходить в кино или в клуб.

Виктора в Вике устраивало все. Его тянуло к этой молодой особе, словно магнитом. Провожая ее в машине на учебу, он уже ждал вечера, когда вернется с работы. Легкая на подъем, она даже после бурной ночи, выглядела прекрасно. Невысокий рост, темные волосы, зеленые глаза и стройная фигура сводили его с ума. Она была хорошей хозяйкой, интересной собеседницей, умеющей слушать, веселой и очень разносторонней. Его напрягало только одно: еженедельные поездки к деду Вики. Нет, он ничего не имел против самого деда, как и против самих поездок, но поговорив с Михаилом Ивановичем в первую поездку, он не знал чем себя занять, а букой казаться не хотелось.

– Ты, парень, меня извини, я человек простой и спрошу тебя по-простому: зачем тебе моя внучка?

– Я, Михаил Иванович, не знаю, что сказать. Нравится она мне. Настроен я серьезно, но чего в жизни не бывает.

– Одно то, что не сулишь золотых гор уже хорошо. А то, что работу заставил оставить, уважаю. Женщин, особенно молодых, беречь надо. Как бы ни сложилось, не обижай ее. У богатых свои причуды, только помни о том, что не все можно купить. Оставайся человеком,

а не мешком с деньгами. Худой мир лучше ссоры, да и душе спокойнее, – говорил дедушка Виктории. – Ты не томись бездельем: привози ее утром, вечером забирай. Сейчас каникулы, привози в будний день, а выходной проводите вместе. Ты что же думаешь, я молодым не был?

Первое время Виктор пытался покупать ей вещи сам, они были дорогими, элегантными, но не по размеру.

– Вить, ты считаешь, что у меня нет никакого вкуса? – смеясь, спрашивала Вика, надевая обновку и демонстрируя ее перед ним.

– В твоем гардеробе нет ничего из того, что можно надеть на фуршет. Мы завтра должны там быть.

– И ты думаешь, что я за сутки могу поправиться на два размера? Говори мне адрес магазина, я завтра утром его заменю и буду готова вовремя. Не доверяешь, можем поехать вместе.

– Возьми карточку, здесь достаточно денег, код на обороте. Будь самой красивой.

Покупка удалась, и теперь Виктор только предупреждал ее о предстоящем событии, она готовилась к нему самостоятельно, и он всегда оставался доволен. Правда, у нее появились и новые заботы. Ей стоило научиться делать себе быстро прически, отрастить ногти, которые раньше коротко стриглись, научиться скромному макияжу и хождению в обуви на каблучке. Она не могла себе позволить выглядеть на приеме или вечеринке плохо, когда Виктор знакомил ее с кем-то и представлял: «Моя королева Виктория». На календаре было начало августа. Сидя на диване, он рассеяно смотрел телевизор и не слышал в первый раз вопроса Вики.

– Вить, что происходит? – спросила она, усаживаясь к нему на колени лицом к лицу, закрывая экран. – Ты меня не слышишь. Что-то не так?

– Завтра у меня встреча на корте. Я должен быть там с тобой.

– А проблема в чем? – спросила Вика, заглядывая ему в глаза.

– В том, что ты не играешь в теннис, – с чувством легкой досады, ответил он.

– А кто тебе об этом сказал? Мне конечно до Шараповой далеко, но кое-что я умею.

– Ты говоришь серьезно? Мне абсолютно не важно, как мы сыграем. Это, как прелюдия к беседе. Своего рода протокол.

– Не дрейфь! Пару сетов я, пожалуй, выдержу без тренировки, – улыбаясь, говорила Вика. – На будущее запомни: у меня много скрытых возможностей. Я хорошо держусь в седле, неплохо плаваю, умею водить машину, катаюсь на коньках, бегаю на лыжах и метко стреляю из ружья. Ты помнишь, как у Пушкина: «Мы все учились понемногу...», вот и я могу кое-чем блеснуть. Но, только запомни: светить своей красивой попой я на корте не буду, а майка и белые шорты у меня есть.

– И где вы этому, девушка, научились? – спросил Виктор, крепко обнимая ее.

– На плавание и коньки меня водила Софья Павловна года три. Дед работал лесничим, и у него из транспорта был конь, списанный из конноспортивного клуба, вот он и научил меня и езде, и меткой стрельбе. В школе я посещала акробатику, потом были танцы, но все это меня долго не увлекало. «Шпагат» без тренировки вряд ли получится с первого раза, а вот тур вальса мне по силам. Я могу поддержать простую беседу на английском, а вот прочесть текст не сумею. Теннис я освоила лет в пятнадцать, тогда это было модно, а машину научили водить мальчишки, как и мотоцикл. Но все мои «могу» – вершки, очень поверхностны даже для любителя.

– Раз ты водишь машину, сдавай на права и будет тебе авто.

– Зачем оно мне, если ты меня, как барыню, возишь.

– А с машиной, барыня будет ни от кого не зависима. Села и поехала. Вот прям, как сейчас...

Уже к осени он купил ей машину Тойота Аурис. Небольшой хэтчбек красного цвета, с объемом двигателя один и шесть. Теперь она могла навестить бабушку и деда в любое удоб-

ное для нее время, вернувшись к приходу Виктора. Ему нравилось, что она его всегда встречает дома. Исключение не составлял и вечер пятницы, когда он посещал с друзьями бар или бильярд. Он возвращался еще до полуночи, но она все равно его ждала. Она уже почти привыкла к тому, что Виктор выслушивает ее просьбы и пожелания, но редко их выполняет. Он чаще делал так, как считает нужным это сам. «Послушай женщину и сделай наоборот», – часто говорил он. И все же она решилась.

– Вить, мне очень приятно, но давай сделаем перерыв на время холодов, и не будем покупать цветы. Мне трудно реанимировать застывшие цветы, мне их так жаль.

– Если я вместо цветов буду приносить тебе кулинарные шедевры, к весне мы растолстеем, – смеялся он.

– Приноси мороженое. На улице его есть сейчас холодно, а в доме в самый раз. Ты, какое мороженое больше любишь?

– Пломбир с тертым шоколадом. А ты?

– Я тоже его, но с вишневым или абрикосовым сиропом. Можно и коктейль сделать. Договорились?

После сдачи зимней сессии, Вику на неделю «вывезли» в горы, а после летней сессии на море. Виктория, не покидавшая приделы области в свои двадцать три, не летавшая на самолетах и уж тем более не жившая в дорогих отелях, была в восторге не столько от самих курортов, сколько от возможности это увидеть и ощутить на себе. Поселок, общежитие, бабушкина квартира-музей, квартира Виктора – везде ей было хорошо. Но, то была реальность, а она на время попала в сказку, и решила его не терять, а провести, чтобы запомнить, пока часы не пробили полночь. Год беззаботной жизни не прошел, промчался. Но за этот год, Виктория уставала больше, чем на работе в ночную смену. Выставки, фуршеты, вечеринки, по поводу и без него, были, как минимум, раз в неделю, и день не всегда должен был быть выходным. Гардероб Вики пополнялся, как корзина в грибной сезон. Но ни «выход в свет», ни новый наряд, особого удовольствия ей не доставляли. В самом начале, для нее это было непривычно, любопытно и интересно. Но очень скоро, ее интерес сменился разочарованием в бесцеремонности некоторых особ. Ее внешний вид оценивали достаточно подробно и громко, а беспардонные вопросы задавали, не скрывая сарказма: «Вы новая знакомая Грачева?», «Как тебе Виктор? Он такой сексуальный», «Держи его, чем хочешь, а то уведут». Чуть позже: «Вы год вместе, когда в загс?», «Он, вообще, предлагает тебе замуж?», «У вас уже назначен день свадьбы?». Она тактично и где-то даже с юмором, справилась с этой «напастью», и пережила этот непростой период. Вика позже смогла удивить хозяев и гостей «скрытыми талантами», стреляя по «летающим тарелочкам», и на конных прогулках. Ее фотографии рядом с Виктором появлялись раза три на обложках в гляцевых журналах. Один способный фотограф сделал отличное фото «профессиональной наездницы». Виктория не стремилась завести дружбу с женами партнеров Виктора, да и они относились к ней насторожено, ведь она не была ни названной невестой, ни законной женой, а всего лишь подругой. Но женская половина для себя сделала и другой вывод: «Грачев относится к своей пассии более чем серьезно».

– Вика, давай я возьму путевку, и, поезжай, отдохни после учебы, развейся, – говорил Виктор. – Тебе не надоела кухня?

– Скажи честно: ты хочешь от меня отдохнуть? Одна я не поеду, не настаивай. Я не переработалась.

– Ты боишься меня оставить без присмотра, ревнуешь или за себя не ручаешься?

– А какой ответ тебя больше устроит? Я бы ответила, что буду очень скучать без тебя. Я как-то быстро к тебе привязалась.

– Тогда поедем недели через две к морю, но в безлюдное место, где будем только ты, я и море. А сейчас иди ко мне...

Виктор не просто был щедрым, он баловал ее сверх меры. У нее было два счета в банке. На один он перевел ей деньги за обещанную зарплату за два года вперед, на второй – деньги на ее расходы. Он, вернувшись с работы, мог за ужином просто сказать: – «Викуля, у меня для тебя маленький подарок. Дай свою руку», – просил он и надевал ей на руку золотой браслет. Он уже знал, что ей из украшений нравится, а чего она не любит, но все равно дарил. Он относился к ней с теплотой и нежностью, и она отвечала ему тем же, и как-то незаметно влюбилась. Со стороны они казались молодой влюбленной парой, хотя разговоров о любви между ними никогда не было. После сдачи Викой государственных экзаменов и получения диплома врача-педиатра, Виктор повез ее в Италию на две недели. Через месяц она узнала, что беременная.

– Вить, мы, как-то не затрагивали с тобой тему семьи, детей, – говорила она за ужином, – и я не знаю, как ты отнесешься к тому, что я тебе скажу. Подожди, не перебивай. Чтобы ты не сказал на мою новость, на этот раз я поступлю по-своему. Я беременная и буду рожать. Ты можешь говорить, что еще не время, надо пожить для себя. Я два года прожила для нас двоих, теперь буду жить для ребенка, – говорила она, не глядя на него. – Мне двадцать четыре года, я не смогу сделать аборт, но смогу принять твои условия и уйти без всяких претензий, – выпалила она, наконец, взглянув на Виктора, который улыбался. – Я сказала что-то смешное?

– Ты сказала большую глупость. А улыбаюсь я тому, что рад такому повороту, – говорил он, вставая из-за стола и обнимая ее за плечи. У нас будет настоящая семья. Теперь ты не откажешься стать моей женой? Ты мне нужна, Виктория Карпова. Как же я во время купил кольцо. Подожди минуту, я сделаю тебе официальное предложение.

В августе две тысячи пятого года Виктория подала документы в интернатуру, а вместе с Виктором они подали заявление в загс. Беременность она переносила тяжело и очень боялась, как одно может помешать другому. Первые три-пять недель, ее не просто «выворачивало наизнанку», она с трудом могла приготовить ужин Виктору. Ее раздражали практически все запахи. Он это понимал и успокаивал. Единственное, что он не принимал, это близости с Викой. Теперь он относился к ней, как к матери своего будущего ребенка, и все чаще спал в соседней комнате. В конце месяца бабушка внезапно попала в больницу с инфарктом. Возвращаясь из больницы, Виктория заехала в ее квартиру, проверить все ли там в порядке. Дед и бабушка Виктора Грачева переехали в дом к сыну, продав свою квартиру месяца три назад. Вика винила себя в том, что бабушка осталась в одиночестве, без подруги и редких визитов внучки. Она с тяжелым сердцем и мрачными мыслями поднималась на этаж, ей еще предстояло позвонить отцу. Бабушка находилась в реанимационном отделении и врачи утешительных прогнозов не давали. Она достала из сумки ключи, когда из-за двери услышала негромкую музыку. Первой ее мыслью было то, что она ошиблась квартирой, второй, что в квартире посторонние. Кто и зачем? Если воры, зачем им музыка? Она утопила кнопку звонка. Послышался щелчок открываемого замка, дверь открылась и на пороге она увидела Виктора.

– Ты за мной следишь? – спросил он, пропуская ее в квартиру.

– Зачем ты так? Кто просил меня заехать и проверить все ли в порядке? А что у тебя за вид? Извини, я не могла подумать, что ты здесь ни один. Момент ты выбрал неподходящий.

– Вика, очнись! Я тебе сказал, что сам заеду и все проверю.

– И как проверка? – проходя в квартиру, спросила она. – Давай, показывай своего второго проверяющего. Красивая у тебя девушка. Надеюсь, ей есть восемнадцать? Ты не смущайся. Я тебя дождусь дома, там и поговорим. Поверь мне, я не хотела, чтобы вышло именно так. Наведи порядок после себя. Я позвонила отцу, он должен прилететь. – Она вышла из подъезда, села в машину и позвонила отцу.

Вернувшись в квартиру Виктора, она думала только об одном: как ей поступить в данной ситуации? Как сказать обо всем отцу, дедушке, бабушке? Как они примут ее уход, а главное, где она будет жить с ребенком? «Если бабушка не примет, поедем малыш в деревню, а с интернатурой я справлюсь», – решила она. Виктор появился в течение часа.

– Поговорим? – спросил он, присаживаясь рядом с ней на диван. – Держи себя в руках. Тебе вредно волноваться.

– Начинай! Я тебя внимательно слушаю, – сказала она, глядя мимо него.

– Вика, ты не устраиваешь истерик, не плачешь. Почему? Я тебе так безразличен. Случилось и случилось.

– Вить, не передергивай. Ты сам говоришь, что мне нельзя ни плакать, ни нервничать? Бабушкина болезнь, твоя измена, моя истерика могут спровоцировать прерывание. Или ты этого ждешь? Мы с тобой два года вместе прожили, давай будем откровенными. Я перестала тебя устраивать в чем-то? Тебе захотелось новых ощущений или ты влюбился?

– О чем ты говоришь? Это была девочка по вызову. У меня к тебе теперь совсем другое отношение. Я должен быть с вами нежным, внимательным и очень осторожным.

– Ты хочешь сказать, что всю беременность и после родов, ты будешь спать с другими? – спросила она с удивлением.

– Не спать, а пользоваться услугами. Не всю и не всегда, а только тогда, когда моя потребность будет бить через край. Вика, ну не могу я тебя желать так, как прежде. Забрало упало, и я не могу расслабиться, я прямо чувствую, что доставляю вам, двоим неудобства, – говорил он, обнимая ее за плечи. – До встречи с тобой, я был уверен, что сексуально зависим. За два года у меня никого кроме тебя не было, и я успокоился. Поверь мне.

– Ты меня утешил. Значит, в твоём понятии это не измена, а некая компенсация неудобств?

– Вика, не драматизируй. Это всего лишь потребность, – убеждал он ее. – Да, это весьма неприятно для тебя, согласен, но ведь это и не новость, о которой ты никогда не слышала и не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.